

СИБИРИАДА

АЛЕКСАНДР
ЧИНЕНКОВ

ГОСПОДИН
СУДЕБНЫЙ
ПРИСТАВ

Александр Владимирович Чиненков

Господин судебный пристав

Серия «Сибириада»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14654143

Александр Чиненков. Господин судебный пристав: Вече; Москва; 2014
ISBN 978-5-4444-2388-2, 978-5-4444-8300-8

Аннотация

В 1916 году в сибирском городе Верхнеудинске молодой человек Кузьма Малов поступает на службу судебным приставом. Казалось бы, всё, он ухватил судьбу «за хвост», живи и радуйся, но... Кузьма любит татарку Мадину и горит желанием жениться на ней, однако опекун девушки, купец Халилов, всячески препятствует браку. Своё нежелание он прикрывает принадлежностью молодых людей к разным религиям, но, как оказалось, дело вовсе не в том. Всему виной страшная тайна купца, благодаря которой девушка вообще не может быть ничьей женой!..

Содержание

Пролог	5
Часть первая. Слуга закона	13
1	13
2	25
3	36
4	49
5	61
6	72
7	86
8	100
9	114
10	130
11	150
12	163
13	177
Конец ознакомительного фрагмента.	187

Александр Чиненков

Господин судебный пристав

© Чиненков А. В., 2014

© ООО «Издательство «Вече», 2014

Пролог

У собеседника заблестели глаза. «Клюнул», – облегчённо вздохнул человек, ошарашивший его заманчивым предложением.

– У него и правда столько денег, как ты говоришь? Да я...

– Что я тебе пообещал, то и заберёшь. Как только дело будет сделано, сразу же уноси из города ноги.

– Я хоть сейчас готов! – загорелся собеседник. – Чего тянуть? Дозволь...

– Тпру, осади, торопыга! Сегодня нельзя, – охладил его пыл хозяин заманчивого предложения.

– А чего ждать? – удивился собеседник. – Лучше прямо сейчас, айда. Ночь вон нынче – хоть глаз коли!

– Я сказал, что не время ещё. Всё надо делать так, чтоб потом комар носа не подточил. А спешка нужна только при ловле блох.

– Ну ладно, обожду, если надо. А как долго томиться в ожидании прикажешь?

У хозяина предложения пот выступил на лбу. Он ломал голову: а не поспешил ли он открыться перед таким дурнем? Но деваться было некуда, оставалось лишь положиться на удачу и идти до конца.

– Ну? – напомнил о себе собеседник.

Мужчина промолчал, напряжённо думая, как умерить его

пыл.

– Раз так, тогда я откажусь, – пригрозил собеседник и даже встал, делая вид, что собирается уйти.

– Ну ладно, ладно, – сдался мужчина и вкратце рассказал суть плана, не вдаваясь в детали. – Я жду, когда денег у хозяина будет в два раза больше, – закончил он.

– Тогда стоит подождать, – взволнованно зашептал собеседник, протягивая руку. – Я согласен. Как только дашь знать, я...

Мужчина пожал протянутую руку, которая едва заметно дрожала.

– А теперь всё, расходимся, – сказал он, брезгливо вытирая ладонь о штаны. – Когда возьмёшься за дело, я подробнее расскажу, что надо будет сделать. Если всё получится, оставшуюся жизнь будешь богатым и...

Услышав подозрительные звуки, донесшиеся со стороны улицы, он оттолкнул от себя собеседника, и они быстро растворились в ночи.

* * *

Огонь с невероятной быстротой пожирал дом. Языки пламени, вырывающиеся из окон и дверей, подбирались по деревянным стенам к балкам крыши. Собравшиеся вокруг горящего дома люди носили воду из колодца, пока не подъехала городская пожарная команда. Но и пожарным не сразу

удалось потушить огонь...

Стоя в амбаре, мужчина наблюдал за происходящим в окошко. Пламя отражалось в его глазах и плясало в них радостью. Он жадно смотрел на пожар, выжидая нужную ему минуту. «Пора», – прошептал он под нос, выбежал из амбара и, минуя суетящихся людей с вёдрами, метнулся к двери пылающего дома.

Оказавшись внутри, мужчина осмотрелся. Медлить было нельзя, и он понимал это. Огонь пожирал всё, что было в доме: огромные ковры, развешанные на стенах и разостланные по полу, дорогие одеяла, подушки... Отовсюду летели искры, а удушливый дым ел глаза и раздирал лёгкие. Мужчина бросился к двери одной из спален, к которой огонь ещё только подбирался по стенам и полу. Распахнув дверь, он ворвался в заполненную дымом комнату и принялся шарить по углам. И вот смельчак нашёл то, что так старательно искал, и удовлетворённо хмыкнул. Это была маленькая девочка, которая забилась от страха в угол, закрывшись подушками. Подхватив её на руки, он выбил ногой окно и выпрыгнул на улицу. В эту минуту ворвавшийся огонь поглотил комнату, после чего внутрь дома рухнула крыша...

* * *

Луна взошла ближе к полуночи. Откуда-то потянуло гарью. Прохор Малов подошёл к калитке и, вытянув голову,

посмотрел то в одну, то в другую сторону улицы.

– Чего там, отец? – крикнула встревоженно с крыльца его жена Анна. – Уж не пожар ли?

– Сам не пойму, – буркнул Прохор. – Дым чую, это верно, а вот огня покуда ещё не вижу.

В это время на улице показался скачущий во весь опор всадник. Придержав коня возле Малова, он привстал на стременах и крикнул:

– Прохор, к дому хозяина беги, горит он!

– Как это горит? – не поверил Малов. – Это чего ты эдак шуткуешь?

– Да не до шуток мне, – огрызнулся всадник. – Вот за пожарными скачу, а ты как знаешь!

Подстегнув коня плёткой, он ускакал вверх по улице, а Прохор поспешил во двор.

– Отец, ты куда? – подошла жена.

– В сарай, не видишь, что ль? – ответил Прохор. – Там дом хозяина горит, поспешать надо.

– Дом хозяина горит? – изумилась Анна Семёновна. – Господи, Боже мой! Вот беда-то.

Вооружившись вёдрами и прихватив топор и багор, Маловы поспешили на улицу.

– Мам, пап, я с вами! – закричал сын Кузьма, быстро сбегав с крыльца.

Маловы остановились.

– Ещё чего не хватало! – разозлился Прохор. – А ну марш

домой! Будешь там под ногами путаться...

– Да я не буду мешать, – сказал умоляюще Кузьма. – Я в сторонке стану и... Глядишь, на что и сгожусь?

– А ну марш домой, пострел! – прикрикнула Анна. – Там добро хозяйское спасти надо, а не за тобой приглядывать!

– Мне уже четырнадцать лет! – «напомнил» родителям Кузьма. – Я...

– Вертай в обрат, не то шкуру спущу! – рявкнул на ослушника Прохор. – Ещё нос не дорос, чтобы перечить родителям.

Опустив голову, мальчик уныло поплёлся к калитке, а его родители поспешили к горящему дому своего хозяина. Буря противоречивых чувств бушевала у Кузьмы внутри. С одной стороны, он боялся послушаться родителей, а с другой... Будучи не в силах пропустить такое зрелище, как пожар, он глубоко вздохнул, развернулся и побежал к погибающему в огне дому купца Исмагилова...

* * *

Кузьма пробирался к пожарищу задами и размышлял: «Сейчас на меня никто не обратит внимания, даже родители...» Первое, что бросилось ему в глаза, это снующие по двору люди. Они старательно поливали дом водой, но пламя усиливалось, и пожар разрастался.

Посреди двора какой-то сумасшедший в обгоревшей

одежде пытался прорваться к объятой пламенем двери дома.

– Пустите! Пустите меня! – визжал он истерично, пытаясь вырваться из удерживающих рук. – Там сестра моя! Там зять мой! Да пустите же меня!

«Да это же сапожник Сибатат Халилов, – подумал Кузьма. – Так что, выходит, хозяева не спаслись?..» Он разволновался, в голове вертелись вопросы, на которые не было ответов. «Если хозяева сгорели, погибла и их маленькая дочь, – подумал он с содроганием. – Малышка Мадина... Неужели не удалось спастись никому из них?»

У Кузьмы на глаза навернулись слёзы, а в горле запершило. Он хорошо знал шестилетнюю хозяйскую дочь, и мысль о том, что её больше нет, сводила его с ума.

Совсем потеряв от горя голову, юноша покинул своё укрытие, вышел на середину двора и... Он не поверил своим глазам, когда увидел невредимую Мадину. Какая-то женщина обнимала девочку за хрупкие плечики и прижимала к себе. Мадина наклонила головку, и две короткие косички поднялись на затылке.

– Я не хочу умирать, – пробормотала она сквозь слёзы. – Мама и папа умерли, а я не хочу...

Кузьма не сразу разобрал слов несчастной. На его лице проступила смертельная бледность, сердце сжалось от жалости.

– Ты узнаёшь меня, Мадина? – спросил Кузьма, присев рядом.

Девочка кивнула, не отводя от огня немигающих глаз.

– А давай уйдём отсюда? – неожиданно предложил Кузьма. – Мы пойдём ко мне, и я покажу тебе маленьких котят.

– Ещё чего удумал! – грозно глянула на него тётка, прижимавшая к себе Мадину. – Ишь, какой ухарь выискался, а ну ступай отсель!

– Я не ухарь, а Кузьма Малов, – обиженно огрызнулся мальчик. – Чего здесь девочку держите? Её давно пора увести отсюда.

– Когда и куда её уводить, не тебе решать! – повысила голос тётка. – У неё дядя есть, вот он и велел здесь его с Модиной дожидаться.

– Да разве можно её здесь держать? – возмутился Кузьма. – Она же видит свой горящий дом, в котором погибли её родители!

– А ну вон пошёл! – тётка схватила сучкастую палку и замахнулась для острастки.

Кузьма отскочил в сторону и покачал осуждающе головой:

– И тебе её не жалко?

– Прочь пошёл отсель! – закричала в бешенстве тётка. – Ишь ты, учить меня уму-разуму удумал? Иди лучше дом тушить подсобляй людям, а не со мной препирайся, чёрт непутёвый!

Окончательно уяснив, что спорить с ней бесполезно, Кузьма развернулся и...

– Я с тобой! – вскочила со скамейки Мадина.

Юноша остановился и обернулся.

– Ступай, ступай! – рявкнула на него тётка, а девочка...

– Обожди, забери меня! – голос Мдины вздрагивал и прерывался: – Я хочу к тебе домой, забери меня!

Тётка, отбросив свою палку, попыталась удержать девочку и усадить рядом, но малышка выскользнула из её рук и подбежала к Кузьме.

– Возьми меня с собой, – всхлипнула она, хватая его за руку. – Я не хочу здесь оставаться, я к тебе хочу...

Часть первая. Слуга закона

1

Прошло одиннадцать лет. За это время изменилось многое. Сибгат Халилов по-прежнему был бодр и силён, но голова и борода его заметно поседели, а лицо покрылось морщинами. Его племяннице Мадине исполнилось семнадцать. Она была хороша собой: лебединая шея, выразительное лицо, гибкие руки... Особую прелесть её лицу придавали большие карие глаза, чуть вздёрнутый носик и блестящие, как жемчужинки, зубки.

Красавицу – стоило ей появиться одной на улице – преследовали юноши: они преграждали путь, чтобы посмотреть в упор и восхищённо прошептать: «Ну и красавица!» Сидеть бы Мадине дома и не высовывать нос за ворота, если бы... Если бы не один молодой человек, который часто сопровождал девушку в её прогулках по городу и быстро ставил на место всех, кто осмеливался попытаться к ней приблизиться. Звали его Кузьма Малов.

Несмотря на великолепные внешние данные: красоту, богатырскую фигуру и огромную силу, которым позавидовал бы любой мужчина, Кузьма служил всего лишь конторщиком в городской Управе. Юноша стыдился своей должности

и ненавидел её. Конторщик он считал крысами и крючко-творами и глубоко сожалел, что вынужден по воле родителей заниматься «недостойным его» делом.

Сегодня Мадина, когда дядя Сибат, как обычно, дремал после обеда на террасе, тихонечко выскользнула из дома и вошла в вишнёвый сад. Она быстро шла среди цветущих кустов, лицо её раздвинулось от предстоящей волнующей встречи. Она даже не замечала вдыхаемого аромата и не слышала жужжания тысяч пчёл, собирающих нектар с цветов.

Вскоре вишнёвые кусты остались позади. Девушка вышла к старой одинокой яблоне, росшей в конце сада. Под её тенью царил приятная прохлада. Солнечные лучи не могли пробиться сквозь густую листву. В это укромное местечко, где слышалось жужжание пчёл и щебет птиц, любила приходить Мадина, чтобы побыть в одиночестве, а иногда... чтобы встретиться с Кузьмой и поговорить с ним.

Подойдя к яблоне, девушка нежно обняла её ствол, словно приветствуя лучшую подругу, глубоко вдохнула подувший от реки прохладный ветерок и присела на скамейку.

Спустя четверть часа Мадина встрепенулась и поднялась. Ветви вишнёвых кустов раздвинулись, и к её «укромному местечку» вышел Кузьма Малов. Глядя на неё, молодой человек странно усмехался, и это не понравилось девушке. Лёгкая тень скользнула по красивому лицу Мадины, она надула губки и сделала вид, что приход Кузьмы вовсе не произвёл на неё впечатления.

– Почему так неласково ты смотришь на меня? – опешил Малов.

– Потому что ты это заслужил. Ты... – девушка не договорила, догадавшись, что он нарочно, чтобы подразнить её, пришёл с насмешливой улыбкой. Она не захотела наговорить ему резких слов и поэтому замолчала. Кузьма провёл ладонью по лицу:

– Не сердчай, задержался чуток. Было много работы, и я не смог уйти пораньше, как обещал.

– Ничего страшного, – пожав плечами, улыбнулась Мадина. – Я даже и рассердиться не успела.

– А я спешил доделать постылую работу и к тебе бежать, – признался Кузьма. – Будь моя воля, давно бы уже распрощался с конторой, только вот родителей огорчать не хочу.

– Ну почему ты всегда так плохо отзываешься о своей работе? – полюбопытствовала девушка. – Я, конечно, в ней ничего не понимаю, но...

– Не по мне служба эта, – ответил Кузьма, тяжело вздыхая.

– А какая работа тебе нравится? Уж не приказчиком ли в магазине, как твой батюшка работал у моего отца?

– Нет, и эта мне не по нутру, – ещё раз вздохнул, отвечая, Кузьма. – Я бы кузнецом поработал или в железнодорожных мастерских... Ну, паровозником на худой конец. Но только не «канцелярской крысой», кем служу сейчас в Управе.

Мадина промолчала, а Малов пристально посмотрел на её почему-то покрасневшее лицо.

– Твой отец, как и ты, тоже вон какой огромный, а работал приказчиком у моего отца и не стыдился этого, – сказала вдруг девушка. – Я его хорошо почему-то запомнила. Он мне всегда казался не человеком, а горой!

– Будь жив твой отец, мой бы, наверное, и сейчас у него работал, – нахмурился Кузьма. – Они очень хорошо друг с другом ладили. Если бы не беда, твой дядя так бы и оставался сапожником, а мой отец...

Он не договорил, нахмурился ещё больше, а в его глазах загорелся огонёк.

– Ну чего тебе сделал мой дядя? – укоризненно покачала прелестной головой Мадина.

– Не мне лично, а моей семье, – уточнил Кузьма. – Он уволил моего отца и оставил нашу семью без средств к существованию.

– Но-о-о... Дядя объяснил мне, что твой папа... Как это говорится... Был нечист на руку?

– А что он мог ещё сказать? Он же должен был как-то оправдать свой поступок перед тобой и другими.

– А если дядя мой прав? Он же... Мадина замолчала, не находя слов.

– Как твой дядя мог судить о порядочности моего отца? – взволновался Кузьма. – Твой отец, что, подпускал его к своим делам купеческим? Твой дядя был всего лишь бедным сапожником и в ваш дом его пускали только из жалости. Если бы не пожар, унесший жизни твоих родителей, то твой

дядя и сейчас был бы всё тем же сапожником, нищим и...

– Не говори так про него, – насупилась Мадина. – Он спас меня, вынеся из горящего дома, рискуя своей жизнью! Он уже столько лет заботится обо мне! Он заменил мне родителей, он...

– Благодаря тебе он завладел капиталом твоих родителей, – продолжил за неё, горько усмехнувшись, Малов. – Теперь он купец, уважаемый человек. Про таких, как он, говорят – из грязи и в князи!

– Неправда! – возмутилась девушка. – Дядя только распоряжается моим капиталом! Он мой опекун, он...

Она закрыла лицо и всхлипнула.

– Почему ты так его ненавидишь, Кузьма? – спросила она дрожащим голосом. – Он же и к тебе хорошо относится. Я уверена, что он уже не раз пожалел о своём поступке в отношении твоего отца...

Кузьма молчал, очарованный красотой девушки. Мадина перестала плакать и вытерла слёзы. Она глубоко дышала, щёчки её покраснелись. Она была сейчас неподражимо прекрасна, и Кузьма...

Лицо молодого человека сначала побледнело, а потом его покрыл яркий румянец. Горящими глазами он пожирал красавицу. Сделав шаг, он потянулся губами к её лицу, но тут же отпрянул. Девушка попятилась и оглянулась, будто испугавшись чего-то.

– Ты ждёшь ещё кого-то в своём укромном местечке? –

поинтересовался Кузьма удивлённо.

– Я? – брови Мадины взметнулись вверх, и она тут же лукаво улыбнулась. – А ты что, ревнуешь?

– Я? – Малов растерялся, но тут же взял себя в руки. – Ничуть не бывало, – сказал он уныло. – Просто мне не нравится, что этот хлыщ из судейской канцелярии чего-то зачистил в ваш дом.

– Это ты про Азата Мавлюдова? – хихикнула красавица. – Так он не ко мне, а к дяде приходит. Какие-то общие дела связывают их.

– Что-то я в этом сомневаюсь, – погрустнел Кузьма. – Я думаю, что только одно общее дело связывает их – это ты, Мадина.

– Да будет тебе, – лицо девушки залила краска смущения. – Мы с Азатом только здороваемся при встрече. У меня есть ты, и больше мне никого не надо.

– Твои слова как песня для моего слуха, – прошептал восторженно Кузьма, беря Мадину за руку. – Я никому тебя не отдам, даже если все городские юноши вдруг решат послать сватов к твоему дяде!

– Ты так сильно меня любишь? – улыбнулась девушка, ласково глядя на раскрасневшееся лицо молодого человека.

– Больше жизни! – воскликнул Кузьма, позабыв об осторожности. – Только ты одна существуешь для меня, и я приложу все усилия, чтобы убедить твоего дядю отдать тебя за меня замуж.

– Нет, ничего у тебя не получится, – вдруг погрузтелла девушка. – Ты православный, а это главная причина для отказа. Мой дядя – ревностный мусульманин, и... Он не отдаст меня за тебя.

Малов подался чуть вперёд, обнял Мадину за талию, притянул её к себе, и в этот момент...

– Мадина? Где ты? – послышался окрик Сибэгата Халилова. – Иди в дом, у меня есть дело к тебе.

Услышав голос дяди, девушка встрепенулась, отстранилась от Кузьмы и с сожалением посмотрела на его побледневшее от волнения лицо.

– Прости, любимый, но мне пора, – прошептала она с сожалением.

– Подожди, останься, – прошептал Малов, не отпуская её. И в эту минуту над садом снова зазвучал требовательный голос Сибэгата.

Кузьма вздрогнул, на его лице появилось выражение гнева, но он сдержал себя.

– Хорошо, я пойду, – сказал он, дыша учащённо. – Как жаль, что приходится расставаться, а я так много собирался сказать тебе.

– Ничего не поделаешь, в другой раз, – бросив в сторону дома тревожный взгляд, ответила Мадина. – Мы ведь расстаёмся не навсегда, правда?

– Всего лишь до завтра, – улыбнулся Кузьма и пристально взгляделся в красивое лицо девушки. – Ты будешь ждать меня

на этом же месте?

– Здесь, завтра, в это же время, – поспешно прошептала Мадина, собираясь бежать к выходу из сада.

– Я с ума сойду от ожидания, – вздохнул Кузьма и поцеловал девушку в её румяную щёчку.

Как только он отпустил её, Мадина тут же исчезла в цветущем кустарнике, а Малов лишь с сожалением проводил её взглядом. Выбравшись на улицу, Малов осмотрелся. Никого. Не зная, чему посвятить появившееся свободное время, он несколько минут потоптался на месте в раздумье, а затем решил просто прогуляться по улицам родного города.

* * *

Кузьма Малов не спеша прогуливался по улицам Верхнеудинска. «Середина мая 1916 года, – думал Малов, не спеша шагая по улице. – Весна нынче наступила рано...»

В парках и скверах распускались почки на деревьях, зеленели и цвели кустарники. Потоки тёплых солнечных лучей омывали улицы, дома.

«Да, город изменился, и как-то незаметно для меня, – думал Кузьма, следуя мимо вокзала. – Раньше Верхнеудинск был расположен на ровной площадке в устье Уды, по берегу Селенги. Ну и частично в нагорной стороне. А теперь вот возник и разросся железнодорожный посёлок. Берёзовка и Верхняя Берёзовка тоже разрослись...»

Прогуливаясь по улицам Большой и Троицкой, Малов туда-сюда вертел головой, не переставая удивляться. «Как много двухэтажных домов!» – думал он, с восхищением разглядывая строения.

По пути домой он ещё прошёлся по улицам Почтамтской и Мостовой, постоял немного у Одигитриевского собора, но внутрь не зашёл. В соборе шёл молебен, и Кузьме не хотелось толкаться в толпе прихожан, привлекая к себе внимание.

Переполненный впечатлениями, Малов перестал замечать суету на городских улицах и мыслями вернулся к предложению, полученному утром. А предложили ему ни много ни мало – сменить опостылевшую работу в конторе Управы и... перейти на государственную службу судебным приставом! Кузьма был в замешательстве. Подумать ему разрешили всего сутки, и с этой новостью он поспешил на свидание к любимой, но... Поговорить и посоветоваться с ней на этот раз не удалось.

Вернувшись домой, Кузьма натолкнулся на недовольный взгляд сидевшего за столом отца.

– Ну, чего замер как истукан, проходи, – смотрел он исподлобья на сына. – Чего так долго домой добирался? Или снова к своей татарке заглядывал?

Кузьма потемнел лицом, но перечить не стал.

– Чего ты там возишься? – хмурил брови отец. – Мой руки и за стол садись. Отужинаем и сходим соседям подсобим. Они нас уже больше часа ожидают. Я пообещал, а тебя где-

то черти носят.

– А чего соседям помогать? – буркнул Кузьма, усаживаясь напротив отца. – Совесть бы поимели: мы уже им полдома выстроили, а они всё зовут нас каждый день.

– Ты язык-то попридержи! – рассердился отец. – С соседями дружить надо и подсоблять, если попросят.

– Что-то уж больно часто они нас просят, – пробубнил недовольно Кузьма. – А мы разок позвали, так тысячу отговорок нашли...

– Ладно, – сказал отец примирительно. – Сегодня подсобим ещё разок, если уж пообещал я, а потом откажу. Им и так грех на нас обижаться.

Молча поужинав, они пошли к соседям. Не прилагая особых усилий Маловы подняли на крышу строящегося дома большое тяжёлое бревно на матку.

– Всего делов-то, – ухмыльнулся отец, присаживаясь на крыльцо. – Могли бы и без нас обойтись. Я шесть человек насчитал, а толку-то?

– А для чего им пупы надрывать, когда ты им нашу помощь обещал, – хмыкнул Кузьма. – Вот они нас в самый раз и поджидали.

– Всё, теперь им дулю лысую, а не помощь, – нахмурился отец. – У нас самих забот полон рот.

Из больницы вернулась мать. Она работала санитаркой и домой приходила поздно.

– О чём вы тут балаболите, скажите на милость? – спро-

сила она, приближаясь к крыльцу.

– Я молчу и всё больше слушаю, – ответил Кузьма. – Жду вот, когда папа выговорится и позволит мне слово сказать.

– Что? – отец недоумённо посмотрел на сына. – Ну давай говори что хотел, а мы с мамой послушаем.

– На службу меня зовут, государственную, – ошаршил родителей ответом Кузьма. – Судебным приставом... Я сразу ответа не дал, решил вот с вами посоветоваться.

Помолчав для солидности, Прохор Малов произнёс:

– Государственная служба – дело хорошее и значимое. Но ведь и ты на такой же состоял?

– То одно, а это другое, – пожал плечами Кузьма.

– А что с родителями посоветоваться решил, – продолжил Прохор, – это правильно сделал. Видать, должность ответственную предлагают, сынок? Я не знаю, что и как, но сердцем чувствую, что предложение принять надо!

– А что делать-то будешь на службе этой, сынок? – поинтересовалась мать.

– Я и сам ещё толком не знаю, – признался Кузьма. – При суде состоять буду, вот что мне известно пока. Ну а если согласие дам, то меня к начальству на собеседование вызовут и всё разьяснят.

– Сынок, а это не опасно? – встревожилась мать. – Вон сколько злодеев кругом, а ты ещё мальчик совсем.

– Да он при суде состоять будет, а не сыскарём служить, – со знанием дела разьяснил ей отец. – В суде люди культурные

служат и с уголовниками не якшаются. Так ведь, сынок?

Кузьма промолчал, а мать не унималась:

– А почему тебя приглашают, не знаешь? Ведь так просто, с улицы, на государственную службу не принимают?

– Понятия не имею, – пожал плечами Кузьма. – Меня вызвали в кабинет к городскому голове, а там два господина из юстиции. Вот они мне и предложили... Я даже растерялся.

– Вот и я говорю, что неспроста это, – подал голос отец. – Значит, к тебе давно приглядываются, что даже к самому голове в кабинет пригласили!

– Выходит, что так, – согласился с ним Кузьма. – Только боюсь, что не справлюсь я. Может, служба эта, как сказать, не по Сеньке шапка?

– Ничего, ты справишься, – похлопал его по плечу отец. – Вон какого орла с матерью вырастили! А орлам высокий полёт нужен!

– Вы думаете, надо согласиться? – с надеждой посмотрел на родителей Кузьма.

Мать с отцом переглянулись и утвердительно кивнули.

– Получается, вы меня благословляете на эту службу?

Родители дружно ответили:

– Благословляем, сынок, благословляем...

Историческая справка

Город Верхнеудинск был основан в 1666 году. Случилось так, что казачий отряд облюбовал местечко в устье реки Уды и на высоком скалистом берегу построил деревянный домик. Впоследствии это строение назвали Удинским казачьим зимовьем. Уже вскоре Удинское зимовье стало центром сбора ясака с местного бурятского населения.

В «домике», расширенном и укрепленном, останавливались отряды казаков, отправлявшихся на освоение и подведение «под царскую руку» новых земель.

Дальнейшее своё развитие Удинское зимовье получило в конце XVII века. Торговый путь был проложен по реке Селенге и проходил мимо зимовья. Выгодное географическое положение, а также участвовавшие нападения маньчжурских и монгольских ханов подтолкнули московское правительство принять решение об укреплении военного пункта для обороны от враждебных нападений. Место зимовья было очень удобным в стратегическом отношении: с юга оно было защищено рекой Удой, с запада – многоводной Селенгой, а с севера и востока его прикрывали горы, покрытые густыми труднопроходимыми лесами. Вот и было принято решение укрепить зимовье и превратить его в острог, т. е. военный городок.

В 1698 году по рекомендации царского посла Головина Удинский острог был переименован в город, получивший в 30-х годах XVIII века название Верхнеудинск. Развитие торговых связей России с Монголией и Китаем, заселение Забайкалья русскими способствовали росту населения Верхнеудинска и его застройке.

По мере освоения территории Забайкалья и оживления мирных торгово-меновых и бытовых отношений между бурятами и русскими поселенцами, с проведением в 1726–1740 годах сухопутного Сибирского тракта, развитием русско-китайской торговли и полным прекращением военной опасности извне, Верхнеудинск постепенно утрачивал свою первоначальную функцию центра сбора ясака, а также своё военное значение. На первый план выдвинулись торговые, транспортные и административные функции города.

Занимая выгодное положение на пути России с Китаем и Монголией, Верхнеудинск сравнительно быстро превратился в один из главных торговых центров России на Востоке. Через Верхнеудинск перевозились товары за границу и обратно. Здесь взимались торговые пошлины и таким образом контролировалась, по существу, вся торговля между Россией и другими странами.

В Верхнеудинске выгружались с судов грузы, идущие в Нерчинск, в ожидании зимнего пути. После присоединения Приамурья выросло значение дороги на Нерчинск и Читу, а вместе с этим возросли роль и значение Верхнеудин-

ска как главного перевалочного и товарораспределительного центра.

Торговля с Китаем и Монголией, а также на внутреннем рынке в Сибири, в том числе в Забайкалье, для русских купцов была весьма прибыльным делом. В Верхнеудинск и Кяхту стали стекаться купцы не только из городов Сибири, но и из центральной России – из Москвы, Новгорода, Суздаля, Казани, Уфы, Самары, Оренбурга и других городов. Купцы вели бойкую торговлю не только с зарубежьем, но и на внутреннем рынке, проникая в бурятские улусы, эвенкийские стойбища и русские деревни. Они скупали у населения меха, пушнину, скот, кожу, шерсть и многое другое, а продавали им различные промышленные товары широкого потребления...

* * *

Купец Сибегат Халилов был значимой фигурой в Верхнеудинске. В городке с населением 20 000 человек все хорошо знали, кто был Сибегат Халилов и кем он стал теперь.

Люди помнили его нищим сапожником, чинившим обувь в будке на базаре. Всегда хмурый, злой и чем-то недовольный. Таким он был десять лет назад. Жил он один, бобылём, и, казалось, ненавидел всех вокруг, но сапожное ремесло знал очень хорошо – брался восстановить любую обувь.

А вот его сестре очень повезло: её заметил и полюбил

богатый городской купец и сделал своей женой.

После свадьбы сестры сапожник Халилов сделался ещё мрачнее и угрюмее, стал раздражителен и невыносим. Теперь он уже ругался с клиентами и были случаи, лез с кулаками в драку. Горожане перестали носить ему на ремонт обувь и... он, наверное, умер бы с голоду, если бы не сестра и её муж.

Они всячески поддерживали Сибагата, давали денег и не требовали возврата. Халилов же принимал помощь с высокомерным видом, как должное. Сапожную мастерскую он закрыл из-за отсутствия клиентов и вёл замкнутый образ жизни. От предложений зятя идти к нему работать Сибагат отказывался. Он считал ниже своего достоинства «батрачить» на родственника и хотел жить припеваючи. Сибагат хотел много денег и сразу! Ведь повезло же его сестре, а чем он хуже? Халилов жил и словно ждал своего часа и... Он пробил!

Случилось так, что сестра и зять погибли при пожаре, а их единственная дочь спаслась. Девочку из пылавшего дома вынес не кто-нибудь, а он, Сибагат Халилов! Несчастье сделало бывшего сапожника очень богатым человеком. Став опекуном племянницы, Халилов получил в руки немалый капитал её родителей и значительно его приумножил! «Не было бы счастья, да несчастье помогло!» – шептались в городе люди, но их сплетни и наговоры уже не выводили новоиспеченного набоба из себя. Некогда раздражительный и невыносимый сапожник превратился в покладистого и степенного купца.

Худощавый, немного сутулый; небольшая седая головка на тонкой шее делала его похожим на гусака. Хитрющие глаза всегда смотрели с прищуром, остренькая бородка клинышком, плотно сжатые тонкие губы... Все черты его лица говорили о жестокости и недюжинной воле.

После несчастья Сибат быстро поставил на место съехавшуюся родню зятя, «возжелавшую» опекать осиротевшую Мадину и тем самым получить возможность распоряжаться её огромным капиталом.

– Сейчас для девочки я – самый близкий родственник! – объяснил он собравшимся «так доходчиво», что те предпочли с ним не связываться и мирно разъехались по домам.

Городские купцы сначала посчитали Сибата выскочкой и сговорились не иметь с ним общих дел. Но бывший сапожник умудрился убедить купцов изменить свое мнение.

Предприимчивый «опекун» на месте сгоревшего дома родителей Мадины выстроил большой красивый дом. На всех торговых домах, магазинах, лавках, складах и погребках, принадлежащих ему, появились вывески: «Торговый дом Мадины Исмагиловой». О себе он нигде не вставил ни строчки.

Любил ли дядя Сибат сиротку, определить было невозможно. Он окружил Мадину заботой и вниманием, исполнял любую прихоть девочки, никогда её не ругал и не наказывал. Одним словом, он полностью заменил племяннице родителей и делал всё, чтобы она росла счастливой и беззаботной.

Сегодня Сибат Халилов принимал в своём доме гостя.

Чиновник городской судебной канцелярии, 35-летний Азат Мавлюдов выглядел моложе своего возраста. Худощавый, подтянутый, среднего роста. Лицо серьёзного, внушающего доверие человека.

Мавлюдов с интересом наблюдал, как купец Халилов тщетно старается придать своему лицу благодушный вид гостеприимного хозяина. Азат знал, что хозяин дома – твёрдый орешек. Купец умел говорить много и ни о чём, и зачастую было весьма трудно разобраться в его подлинных намерениях.

– Так какие срочные дела привели тебя в мой дом, Азат? – поинтересовался купец, пронизывая гостя колючим неподвижным взглядом.

– Я всего лишь чиновник и человек небогатый, – начал издали Мавлюдов. – И я хочу...

– Кто ты есть, я знаю достаточно хорошо, – бесцеремонно перебил его купец. – Я, если помнишь, и отца твоего знаю очень хорошо. Это по его просьбе я устроил тебя чиновником в судебную канцелярию, если не запамятовал?

– Нет, не запамятовал, – облизнул в волнении вдруг пересохшие губы Мавлюдов. – Я...

– Кстати, а как отец твой поживает в городе Уфе? – вдруг спросил Халилов. – Что-то давно я не получал от него весточек. Уж не захворал ли он там среди диких башкирцев?

– Нет, с ним всё в порядке, – ответил Азат. – А я вот к вам...

– Да говори ты, не мямли, – усмехнулся купец. – По тебе вижу, что дело, с которым ты ко мне пожаловал, действительно для тебя важное.

– Хочу уточнить, что оно не только важное для меня, но и взаимовыгодное для нас обоих, – заявил Мавлюдов.

– Я уже заинтересован и заинтригован одновременно, – сказал Халилов. – Теперь говори всё как есть и не ходи вокруг да около.

Мавлюдов помолчал, словно собираясь с мыслями, после чего сказал:

– У меня есть возможность предложить вам товар отменного качества по очень незначительной цене.

– Так, продолжай, – заинтересовался Сibaгат Ибрагимович.

– Товар китайский и сейчас находится в Уфе, – продолжил Мавлюдов и замолчал, ожидая реакции купца.

– Вот значит как, – усмехнулся Халилов, поглаживая бородку. – А с чего ты взял, что меня заинтересует твоё предложение? От нас до Китая рукой подать. И где ты видишь смысл везти китайское барахло из Уфы, когда я и здесь могу приобрести его сколько угодно?

– Дело в том, что Уфа хоть и дальше от Китая и в другой стороне от него, но товар, который сейчас там находится в ожидании покупателя, можно приобрести за бесценок!

– Мне и сюда его доставят из Китая не слишком-то обременительно для моего кошелька, – пожал в недоумении пле-

чами купец.

– Но товар контрабандный!

– И с контрабандистами я дружу.

– Ну, тогда... – Мавлюдов пожал плечами и развёл руками.

– Скажи-ка мне, Азат, – после минутного раздумья заговорил Сibaгат Ибрагимович, – а какова цена товара, который ты пытаешься мне всучить?

Мавлюдов назвал сумму.

– Ого-го! – округлил глаза Халилов. – Ты обратился не по адресу, сынок! Даже у меня нет в наличии таких денег!

– Но товар ходовой и долго не залежится на прилавках ваших магазинов, – оживился Азат. – После его реализации ваш капитал не только удвоится, но и утроится!

– Хотелось бы верить, – пробубнил задумчиво купец. – Тогда скажи, сколько у тебя товара, раз ты говоришь, что он стоит мизер? Сумма, которую ты назвал, просто огромная! Тогда сколько должно быть в наличии товара, если я соглашусь его выкупить?

– Вот, – Мавлюдов достал из внутреннего кармана сюртука несколько листов и положил их на стол.

– Чего это? – удивился Халилов.

– Это списки товара с указанием количества и денежных сумм, за которые...

– Хорошо, я всё понял.

Сibaгат Ибрагимович водрузил на нос очки и углубился в

изучение списка. Прошло довольно много времени, прежде чем он отложил бумаги в сторону и уже веселее взглянул на гостя.

– Предложение очень заманчивое и выгодное, не спорю, – сказал он, удовлетворённо хмыкнув. – Только товар-то не китайский, а японский.

– В том-то и дело, Сибагат Ибрагимович! – воспрял духом Мавлюдов. – Сейчас с Японией все товароотношения прерваны из-за войны, так ведь?

– Ну, допустим.

– А китайскими товарами завалены все полки магазинов других купцов. Представьте себе ажиотаж в городе, когда вы выложите на полках своих магазинов и лавок отличный японский товар.

Халилов прикрыл в раздумье глаза.

– Спрос будет, и здесь спорить не приходится.

– Тогда по рукам?

– Вдарим по рукам, не торопись, – сузил глаза купец. – Сначала, для моего спокойствия, ответь мне на несколько вопросов, сынок.

– Пожалуйста, – улыбнулся Мавлюдов. – Задавайте, Сибагат Ибрагимович!

– Ты можешь гарантировать, что следом за товаром из Уфы не придёт судебный приказ об его изъятии?

– Гарантирую! – с замирающим сердцем ответил Азат.

– Гм-м-м... – Халилов покачал головой и хитро улыбнул-

ся. – Ты не обижайся за такие вопросы, сынок, но твоё слово для меня мало чего значит. Ты не рискуешь ничем, а я, в отличие от тебя, рискую всем своим состоянием.

– Я тоже многим рискую, Сibaгат Ибрагимович, – сказал Мавлюдов.

– Ты? – снял с переносицы очки купец. – И чем же?

– Своей репутацией, например. Вы же не станете молчать, если я вдруг обману вас.

– Резонно, не стану. Я закачу такой скандал...

– А ещё я хочу просить руки вашей племянницы Мадины, – признался Азат, в очередной раз облизнув губы. – Я жить не могу без неё. И безопасная доставка вам товара имеет для меня очень большое значение.

– Вот шельмец, – одобрительно улыбнулся Халилов. – Ты собираешься сорвать на этом куш, разбогатеть и...

– Жениться на Мадине, – закончил его мысль Мавлюдов. – Вот потому и стараюсь.

– Хорошо. А отец твой как же? – полюбопытствовал Халилов, в упор глядя в лицо гостя. – Он имеет в этом деле какой-то свой интерес? Кстати, он же у тебя далеко не бедный человек, а ты его единственный наследник.

– Я думаю, что у моего отца дела идут неважно, – нахмурился Азат. – Он экономит на всём. А ещё я боюсь, что пока буду дожидаться его смерти и наследства, то успею состариться и сам.

– Хорошо, я подумаю над твоим предложением, сынок, –

подал гостю надежду Сибатгат Ибрагимович. – Дело очень значительное, рискованное и небезопасное. Когда на кон может быть поставлено всё моё состояние, надо будет всё хорошенько взвесить, обдумать, просчитать и принять решение! Ты со мной согласен, Азат?

– Хорошо, я подожду вашего решения, – кивнул Мавлюдов, пятясь к двери. – Только хорошенько подумайте, Сибатгат Ибрагимович... Моё обеспеченное будущее и моя судьба в ваших руках!

Как только гость покинул его дом, купец Халилов тут же кликнул слугу.

– Идрис, – сказал он задумчиво, – собирайся, с утра в Уфу поедешь.

– С письмом? – поинтересовался тот.

– Чего вручу, с тем и поедешь, – ответил, озабоченно хмуря лоб, Сибатгат Ибрагимович. – А сейчас иди отсыпайся и отъедайся. Дело срочное, неотложное и очень для меня важное. Никаких проволочек оно не терпит...

Историческая справка

Первое упоминание о судебных приставах встречается в документах времён Новгородской феодальной республики (1136–1478 гг.). В Новгороде и Пскове судебные приставы призывались на должность князем или городским вече и обладали довольно широкими полномочиями: «а почнет хорониться от приставов, ино его казнить всим Великим Новым Новгородом», говорится в Новгородской Судной грамоте.

И действительно, ещё древнерусское судоустройство знало приставов, вызывавших на суд ответчика и свидетелей, а также производивших взыскания по определению суда. Понятие пристав встречается в восьмом столетии преимущественно в договорных грамотах великих князей Новгорода. Наличие приставов было неотъемлемой принадлежностью каждого судьи, признаком его самостоятельности и независимости.

В Московском государстве приставы как лица судебного ведомства упоминаются в Суднике (судебниках) 1497–1550 гг., в частности в вошедшем в него тексте «Указа о уезде». Тогда исполнением занимались отроки, мечники, приставы, подвойские и княжеские слуги. Как олицетворение эффективно действующей государственной власти пристав был фигурой высокого по уровню статуса, влиятельной и по-

пулярной.

Соборным уложением 1649 года приставу были предоставлены широкие полномочия. Он – должностное лицо приказа: доставляет повестки о вызове в суд, осуществляет привод ответчика, участвует в выемке вещественных доказательств у обвиняемых, сторожит преступников, с которых взыскивались убытки, причинённые противоправным поведением. В случае бегства грабителя имущественная ответственность возлагалась на пристава, не обеспечившего охрану задержанного. Полномочия пристава были расширены на случай сопротивления должника: если должник «ухоронится» от него у себя в деревне или «учинится силен», пристава предоставлялось право «взять у воеводы стрельцов, пушкарёв и защитников, сколько человек пригоже для ареста ослушника». За ненадлежащее исполнение обязанностей пристав подлежал дисциплинарной (отстранение от должности, увольнение со службы), уголовной (битьё батогами и кнутом) и материальной (возмещение вреда) ответственности.

С 1 марта 1658 года пристав – это должностное лицо с государственным жалованием из ссудного приказа. Судебные приставы состояли на государственной службе и имели классные чины.

Великий государь Пётр Первый в 1717 году образовал Юстиц-коллегию. В неё вошёл Урядный приказ, который осуществлял исполнительно-распорядительные функции на

основании судебных решений и властных актов высших органов и должностных лиц Российского государства.

В 1738 году, в период правления императрицы Анны Иоанновны, приказы были преобразованы в департаменты. Четвёртый урядный департамент перешёл в подчинение непосредственно правительствующему Сенату.

В 1782 году уже Екатерина Вторая отнесла исполнение функции урядников (приставов) к полиции, а спустя четыре года урядники были разделены на полицейских приставов (исполнявших решения суда) и станowych приставов (охранников). После учреждения министерств исполнительная полиция (полицейские приставы) была отнесена к Министерству полиции (главное управление исполнительной полиции), станowych приставы – к Министерству юстиции. Затем должность судебного пристава была упразднена и исполнительная часть судебного процесса перешла целиком в ведение полиции. Однако сотрудники этого ведомства не были материально заинтересованы в обеспечении явки в суд приглашённых лиц. Исполнение приговоров суда порой затягивались на годы.

Решение о возврате института судебных приставов было принято в ходе подготовки судебной реформы. 20 ноября 1864 года император Александр Второй утвердил ряд документов, лежащих в её основе: «Учреждение судебных установлений», «Устав о наказаниях, налагаемых мировым судьёй», «Устав уголовного судопроизводства» и «Устав гражд-

данского производства». В принятых документах раскрывались объём и количество событий, связанных с исполнением судебных решений, взаимодействием с другими правоохранительными органами и участниками процесса. Принятый по указу императора «Судебный устав» обязанности по исполнению судебных решений возлагал на судебных приставов, состоящих при окружных судах, а решения мировых судей установлений приводились в исполнение судебными приставами, состоящими при съездах мировых судей, решения же земских начальников и городских судей в пределах земских участков передавались в руки полиции. Примечательно, что при этом судебные приставы находились в ведении судов. Одновременно при недостатке судебных приставов председатели судебных мест вправе поручать исполнение решений чинам полиции.

Судебные приставы, наделённые особыми правами, имели некоторые преимущества перед чиновниками других ведомств. За сопротивление при исполнении судебных постановлений, других распоряжений властей, а также иных законных действий судебных приставов виновные лица наказывались лишением всех прав состояния и ссылкой на каторжные работы на срок от 4 до 6 лет, ссылкой в Сибирь на поселение, отдачей в арестантские роты и т. п.

В целом законодательство о правовом статусе судебных приставов Российской империи было одним из самых разработанных в Европе второй половины XIX века. Факт жиз-

ненной необходимости института судебных приставов был отмечен при обсуждении и одобрении Государственной Думой Закона о преобразовании местного суда в 1912 году...

* * *

– Милости просим, вас ждут!

Кузьма Малов вошёл в кабинет городского головы и замер у порога. Он стоял неподвижно и прямо, но со стороны было видно, как он напряжен. Он всё ещё колебался и сомневался в правильности выбора, который собирался сделать.

Самого головы в кабинете не было. На его месте за большим столом восседал тот самый человек, который предложил Кузьме перейти на государственную должность судебного пристава.

– Итак, я тебя внимательно слушаю. Ты принял решение, Кузьма Прохорович?

Тишина. Кузьма, в сильнейшем волнении, сразу и не нашёлся с ответом. Он стоял, не шевелясь и не меняя позы. Он знал, он чувствовал, что не должен медлить с ответом, но...

– Ты что, воды в рот набрал или не хочешь принимать моего предложения?

Кузьма лихорадочно пытался выдать из себя положительный ответ и отделаться от своих нелепых сомнений. По лицу сидевшего за столом человека было видно, что он ожидает положительного ответа и пребывает в полной уверенно-

сти, что услышит его. Кузьма почувствовал, как всё его тело покрывается испариной и...

И тут на него что-то нашло. Изнемогая под нацеленным на себя взглядом важного чиновника за столом, он стал выговаривать фразу за фразой. Они срывались с языка торопливые, порой бессмысленные, бессвязные, начатые и не оконченные. Если бы только он сам мог слышать себя в этот момент, то умер бы со стыда, не сходя с места.

– Согласен-то я согласен, – говорил Кузьма торопливо, – только вот не знаю тонкостей службы той. А вдруг не справлюсь? А вдруг подведу? Я же тогда изживу сам себя со света белого... Я же тогда сам себя поедом заем...

Господин за столом не перебивал его. Скоро и Кузьма, выговорившись, замолчал. Краска залила его лицо: он испугался, что наговорил важному чиновнику много лишнего, и теперь ожидал самого худшего.

– Я много хорошего слышал о тебе, Кузьма Прохорович... Тебя характеризуют как честного, порядочного, добросовестного и ответственного человека. И я не сомневаюсь, что тоже сделал правильный выбор и не ошибся в тебе.

Малов с облегчением перевёл дух и подошел к столу.

– Пристав – это должностное лицо с государственным жалованьем, – глядя на притихшего Кузьму, говорил чиновник. – Судебные приставы состоят на государственной службе и имеют классные чины. При поступлении на службу судебный пристав получает знак должности – печать судебного

пристава с именными сведениями.

Он сделал паузу и спросил:

– Тебе понятно, о чём я говорю, господин Малов?

Кузьма кивнул.

– В общих чертах, – ответил он. – Только в толк никак не возьму, как я под ваше внимание угодил? В городе таких, как я...

– Кандидатов на должность судебного пристава мы большей частью подбираем из числа канцелярских служащих различных ведомств, – не дав ему договорить, продолжил чиновник. – Внесёшь шестьсот рублей залога, и милости просим.

– Шестьсот рублей? – обомлел Кузьма. – Да где же я возьму такие деньжищи?!

– Найдёшь, если постараться, – ответил чиновник с каменным лицом. – Эта сумма будет служить своеобразным гарантом возмещения возможных убытков, которые, не дай Бог, могут быть причинены твоими неправомерными действиями. Затем ты принесёшь присягу! В течение первого года службы будешь проходить испытательный срок. Всё это время будешь именоваться «исполняемым должностью». По истечении испытательного срока ты будешь утверждён в должности!

Чиновник ещё около часа втолковывал Малову о службе судебных приставов, но тот мало чего запомнил из сказанного. Но на вопрос чиновника: «Ты меня понял?» – он ответил

«да» и даже, для убедительности, кивнул головой.

– Тогда сдавай свои дела на прежней работе и жди вызова, – подвёл черту их беседе чиновник. – Ищи деньги, не теряй время. Это обязательное условие для поступления на службу!

* * *

В этот день Кузьма снова задержался на работе – готовил к передаче дела. На вечернее свидание с Матиной он уже опоздал, значит, придётся идти к ней в полночь. Сначала Кузьма решил сходить домой, чтобы поужинать с родителями и удовлетворить их любопытство. Он знал, что они с нетерпением ждут его.

– Ну, как день прошёл, сынок? – нетерпеливо спросил отец, как только Кузьма появился дома.

– А ты дал согласие своё? – полюбопытствовала мать. – Мы уж тут издёргались с отцом, тебя ожидаючи.

– Всё хорошо, согласился я, – поспешил с ответом Кузьма.

Пока он умывался и переодевался, родители сидели за столом, не докучая ему вопросами. Первым не выдержал отец:

– Так что это за работа, которую тебе предложили?

– Состоять при городском суде буду. Правда, вот неувязочка одна есть, которая может помешать мне устроиться на службу.

Лица родителей вытянулись, побледнели, и они переглянулись.

– Я должен заплатить шестьсот рублей, – пояснил Кузьма. – Где взять деньги, я не знаю...

После ужина Кузьма подробно пересказал отцу и матери разговор с чиновником, предложившим ему работу. Когда на улице совсем стемнело, Кузьма стал всё чаще поглядывать на часы и...

– Что, к Мадине своей ухи востришь? – погрустнел отец. – И чего ты к ней прилип, сынок? Она же не нашего поля ягодка.

– Если не вашего, то моего, – упрямо поджав губы, огрызнулся Кузьма. Он не любил, когда кто-то плохо отзывался об избраннице его сердца.

– Правильно говорит отец, – поддержала мать. – Мадина – хорошая девушка и красавица писаная, но не отдаст её за тебя этот прощельга Сибатат. Они, магометяне, не выдают своих девок замуж за православных парней.

– В жизни всякое бывает, – сказал Кузьма, мрачней. – И откуда нам знать, как поведёт себя Халилов? Мы же сватать Мадину ещё не ходили.

– Не ходили и не пойдём! – разозлился отец, который терпеть не мог дядю девушки. – Этот прохиндей меня с работы вашей вытолкал. Хорошо, что купцы городские все хорошо меня знали, и Аким Матвеевич к себе взял, иначе...

– Я всё равно на ней женюсь, – заявил Кузьма настырно. –

Или на ней, или ни на ком! Вы знаете, что я люблю её больше жизни и не отступлюсь от неё ни за что на свете!

– Что, супротив воли родителей пойдёшь? – спросил огорчённо отец. – И греха на душу взять не побоишься?

– Да ему и идти не придётся, – сказала мать. – Никогда Сибатат не отдаст девку за сына нашего. Мало того, что он веры другой, да ещё вон как вознёсся! Теперь мы для него и вовсе никто.

– Ну, это мы ещё посмотрим, – сказал Кузьма, вставая из-за стола и глядя на часы. – Мадине скоро восемнадцать лет исполнится и... Ей не обязательно будет дядю своего слушаться. Она уже сама будет вправе решать, что делать и как поступить!

Он выбежал на улицу и пошагал к дому Мадины. Время приближалось к полуночи, и Кузьма спешил, боясь опоздать на свидание.

Приблизившись к забору сада, он собрался перемахнуть через него, но, услышав доносившиеся от террасы голоса, затаился. Из дома выходили люди, громко прощались с хозяином и расходились кто куда.

«Пришёл бы я раньше и как раз не вовремя... – подумал Кузьма. – Интересно, а выйдет ли сегодня в сад Мадина? Может, ей нынче не до меня?»

Он поднял голову и посмотрел на небо – ни облачка. Ярко светила холодная круглая луна. Казалось, что всё вокруг погружено в сон и не спит лишь он один, Кузьма Малов. Он

пришёл на свидание к любимой девушке, и в его груди бушевал такой огонь, что горели все внутренности. Он закрыл глаза, представил Мадину, стоящую перед ним, и закружилась голова...

Кузьма достал из кармана куртки часы: было уже без четверти двенадцать. Осознание того, что он скоро увидит любимую, взбудрило его. В его груди бушевал пламень – ничего подобного он никогда раньше не испытывал.

Кузьма больше не мог стоять у забора и как вор прислушиваться ко всем звукам, доносящимся от дома. Любящее сердце и волнующий душу мозг требовали немедленных действий. Он с легкостью перемахнул через преграду. Где-то залаяла собака. Её поддержали другие, и уже вскоре дружный хор будоражил спящий город.

Осторожно обходя кусты вишни, Кузьма приблизился к дому и замер, весь обратившись в слух. В окнах один за другим гасли огоньки.

«Скоро придёт?» – от сильнейшего волнения у него перехватило дыхание. Он пошевелился, хрустнула ветка, и этот звук прозвучал как винтовочный выстрел. «Всё, Господи, не могу больше, – подумал Кузьма. – Ещё немного – и разорвётся сердце!»

Вдруг острый слух Кузьмы уловил скрип калитки. Ещё мгновение, и девушка стояла перед ним.

– Я так и знала, что ты обязательно придёшь, – чуть слышно прошептала Мадина и, взяв Кузьму за руку, увлекла его

за собой в глубь сада.

Когда они оказались в укромном месте, Кузьма осторожно привлёк Мадину к себе и заключил в объятия. Почувствовав её горячее, гибкое тело, он задрожал от желания, охватившего его. Девушка почувствовала неладное, происходящее с любимым, и выскользнула из его объятий.

– Что с тобой? – тихо спросила она.

– Сам не знаю, – ответил Кузьма. – В меня будто черти вселились, и я едва сдерживаю их.

– Я боюсь тебя, – сказала Мадина, отступая на шаг. – Нам нельзя поступить так, как ты хочешь. Для этого мы должны сначала стать мужем и женой.

– Да-да, я знаю, прости, – прошептал он, обливаясь потом. – Это я так... Сейчас всё пройдёт...

«Я сошёл с ума, – думал Кузьма, смотря на девушку невидящим взглядом. – Я чуть было не наломал дров... я чуть было...»

Он как зачарованный смотрел на испуганное бледное лицо Мадины. Только через несколько минут Кузьма пришёл в себя.

– Кузьма, что с тобой? – испуганно спросила Мадина.

– Со мной, кажется, уже всё хорошо, – ответил он, огромным усилием сумев побороть безудержную страсть, граничащую с безумием. – Позволь обнять тебя, любимая.

«Недоразумение», возникшее между влюбленными, сгладилось и разрешилось крепкими объятиями и жарким поце-

луем. Задыхающаяся в объятиях Кузьмы Мадина, точно огнём, прожигала его с головы до ног. Вся трепеща от возбуждения, она страстно шептала:

– Люблю... Я больше жизни тебя люблю, Кузьма! Я жить не могу без тебя, мой ненаглядный!

Посланец вернулся из Уфы в Верхнеудинск через двадцать дней и привёз хозяину ответное письмо. В это время в дом вошёл Азат Мавлюдов. Не отрывая глаз от листка, Халилов указал ему на стул у окна. Мавлюдов с интересом разглядывал увлечённого купца, и по его лицу пытался определить, какую тот получил «весточку», хорошую или плохую?

Дочитав письмо, Сибгат Ибрагимович отложил листок в сторону и выпрямился на стуле. Теперь он казался генералом в седле, только не хватало увешанного орденами мундира.

– Ну-с, – голос Халилова показался Мавлюдову довольным, а это был хороший знак. – У меня для тебя новость, сынок... Я приятно удивлён!

– Надеюсь, вы решились-таки приобрести товар и нашли на это деньги? – предположил Азат.

– Ты угадал, негодник, – подтвердил Халилов. – Вези товар, и я, как только он прибудет в Верхнеудинск, расплачусь с тобою сполна наличными!

– Но-о-о... – Мавлюдов заёрзал на стуле. – Условия продавца несколько отличны от ваших, Сибгат Ибрагимович.

От удивления брови у купца поползли вверх. Он пожал плечами.

– Интересное дело получается, – сказал он, ухмыляясь. – Я плачу огромные деньги за товар, который никогда не ви-

дел, не оценил его качество... – он посмотрел на побледневшее лицо гостя. – Ты что, меня полным дураком считаешь, пытаешься всучить kota в мешке? Ты и правда думал, что я отдам тебе в руки огромное состояние без каких-либо гарантий, полагаясь только на данное тобою, ничем не обеспеченное слово?

Азат промолчал. Ему нечем было ответить на подобные аргументы. Но тут, совсем неожиданно, Халилов вдруг сменил гнев на милость.

– Ты любишь мою племянницу, сынок? – спросил он, щурясь.

– Д-да, к-конечно, – ответил ошеломлённый Мавлюдов.

– И собираешься на ней жениться?

– К-конечно, если вы не будете против...

– Не буду, если получу товар в целостности и сохранности. Согласно списку, который ты мне предоставил, товар ходовой и достоин внимания.

– Но тогда вы должны будете поверить мне на слово и передать деньги? – сказал Азат, не веря в то, что Халилов согласится на сделку. Но его ожидал сюрприз.

– Хорошо, я отдам тебе деньги за товар, всю сумму, – ошеломил его купец. – Только знай наперёд, сынок: эти деньги принадлежат не мне, а моей племяннице. Обманув меня, ты накажешь в первую очередь её. А если быть точнее, то и себя тоже. Я не отдам Мадину тебе в жёны.

– Да у меня и мыслей нет вас обманывать, Сибагат Иб-

рагимович! – оживился Азат. – От сделки и я буду в большом выигрыше! Доля, которую я получу, позволит мне стать пусть не богатым, но хорошо обеспеченным человеком!

– А состояние Мадины, плюс ко всему, сделает тебя богачом после женитьбы, – добавил, хитро ухмыляясь, Халилов. – Нет, тебе невыгодно плутовать, сынок. В противном случае ты лишишься всего. А может быть, и жизни. Я найду тебя везде и спрошу сполна. И не надейся улизнуть.

– Можете во мне не сомневаться, Сибагат Ибрагимович, – заверил его Мавлюдов. – Чем быстрее вы передадите мне деньги, тем скорее прибудет товар из Уфы!

– А ты ручаешься хотя бы за то, что его не перехватят в дороге разбойники, сынок? – усомнился Халилов.

– Нет, это исключено, – усмехнулся Азат. – Он благополучно доехал из Китая до Уфы, этим же путём он прибудет и к нам, в Верхнеудинск, можете мне поверить.

– Хорошо, ступай, за деньгами придёшь завтра, – сказал Халилов, давая понять, что разговор окончен. – У меня сейчас деловая встреча, и твоё присутствие будет меня стеснять при разговоре с гостем.

Раскланявшись и попрощавшись, окрылённый невероятной удачей Мавлюдов выпорхнул за дверь. Купец Халилов проводил его долгим, угрюмым взглядом.

Ожидаемый Халиловым гость пришёл к нему час спустя после ухода Азата Мавлюдова. Невысокого роста, полный, похожий на бочонок, мужчина, переступив порог, поспешил к ожидавшему его купцу.

– Прошу прощения за задержку, Сibaгат Ибрагимович, – сказал он. – Вынужден был задержаться по не зависящим от меня обстоятельствам.

– Ишь ты? Вот даже как? – ухмыльнулся Халилов. – И какие же могут быть важные дела у содержателя моего кабака на базарной площади? Или какой-нибудь великий человек, будучи проездом в нашем городе, заглянул к тебе на огонёк?

– Я тоже не поверил бы на вашем месте, – быстро нашёл с ответом пронырливый мужичок, – однако такие дела нашлись.

– И насколько они важные? А может быть, ты свои личные преподносишь сейчас мне как наши общие? – нахмурил лоб Сibaгат Ибрагимович.

– Ну, какие могут быть личные дела у вашего слуги? – залебезил «гость». – Только ваши интересы у меня всегда на первом месте!

Халилов ухмыльнулся. Лесть мужичка была ему приятна, но он не подал виду.

– Вот что, Назар, не пой мне здесь Лазарем свои дифи-

рамбы и не ходи вокруг да около, – сказал он с нажимом. – Выкладывай, с чем пожаловал и... какая нынче в городе обстановка?

– Вся неделя прошла бесплодно, Сибагат Ибрагимович, – заговорил Назар вкрадчиво. – Мало купцов проезжих останавливались на постоя и столовались в кабаке. А те, кто заходил и пьянствовал, были так, торговцы мелкого пошиба, на которых не стоило тратить время и заострять внимание.

– Что, и золотоискатели попьанствовать не заглядывали? – нахмурился Халилов.

– Заходили пара человек, да и те пустые. Без золотишка при себе в наличии. Не рыбной была минувшая неделя, Сибагат Ибрагимович.

Назар заёрзал в нетерпении на стуле и, не дожидаясь упрёков хозяина, продолжил:

– Но сегодня нам повезло... На суточный постоя встали купцы проезжие и... далеко не бедные они людишки!

– Да? – вскинул брови Халилов заинтригованно. – Твоё умение отличать зёрна от плевел мне известно. Но почему твой цепкий взгляд упал на этих купцов?

– Перво-наперво моё внимание привлекло их поведение, – ответил Назар охотно. – У кабака они остановились большим обозом, я насчитал битком набитые девять телег!

– И что за товар у них, узнать удалось? – ещё больше заинтересовался Халилов.

– Телеги были накрыты меховыми толстыми покрывала-

ми, и это ещё больше разогрело моё любопытство, – улыбнулся Назар загадочно. – Купцы, а их трое, зашли в кабак и попросили накрыть стол отдельно, не в общем зале.

– Так-так, – заволновался Сibaгат Ибрагимович, – продолжай.

– Я им накрыл стол, где и всем персонам, желающим уединиться, – продолжил вкрадчиво Назар. – В отдельной комнате, с закрываемой изнутри дверью.

– Есть такая, знаю про неё, продолжай... – заторопил его Халилов. – Ты, конечно, подслушал их разговор?

– Могли бы и не сомневаться, Сibaгат Ибрагимович, – расцвёл самодовольной улыбкой «гость». – Там же, в комнате той, слуховое окошечко в наличии имеется, о котором, кроме меня и вас, ни одна живая душа не ведаёт. Вот возле него я и продежурил всё время, пока они трапезничали.

– И чего ты там «надежурил»? – снова заторопил Халилов. – Чем тебя залётные купчишки удивили?

– Сначала они только ели и пили, – продолжил тот. – Я едва не задремал от скуки. Ну а когда хмель затуманил их головы, у купчишек, разом у всех, развязались языки.

– Да-а-а, водка губит русских людей, – поддакнул Сibaгат Ибрагимович. – Кто-то о девках трепаться любит, перебрал лишка, а кто-то о делах трезвонит, не замечая, что...

– Эти как раз не о девках, а о делах «трезвонили», – продолжил за хозяина Назар. – Из их трёпа я узнал, что везут они ясак немалый! Очень долго собирали, а теперь в Уфу,

Казань, Оренбург и Самару повезут. Большой куш с продажи пушнины получить собираются. Аж триста тысяч рублей!

– Ско-о-олько?! – у Халилова глаза полезли на лоб. – Вот это да! Вот это удача! А вместе с ними кто товар сопровождает?

– С ними мужиков десять, – ответил Назар. – Все вооружены до зубов и от телег ни на шаг не отходят. В кабак по пять человек заходили, наспех перекусывали и бегом обратно, к обозу...

– Та-а-ак, когда купцы съезжать собираются? – потирая руки, поинтересовался Сибатат Ибрагимович, в голове которого, видимо, уже закрутилась какая-то идея.

– Прямо с утрачка пораньше и собираются, – ответил Назар. – Когда они спать пошли, то распорядились завтра на всех приготовить завтрак, собрать харчи походные и лошадей накормить. Денег не жалели, сколько я сказал, столько не скупясь и отвалили.

– Ну, что я могу сказать, – развёл руки Халилов. – Ска-тертью им дорога. Только вот с таким богатством им бы не на телегах, а на поездах ездить! А так... Тайга большая, мало ли чего случиться может?

Поняв хозяина с полуслова, Назар быстренько с ним распрощался и вышел. А Сибатат Ибрагимович положил перед собой чистый лист бумаги, обмакнул перо в чернила и принялся строчить кому-то письмо, выводя на бумаге (чтобы было понятно адресату) каждое слово.

Из сада Кузьма ушёл только под утро, а Мадина поспешила в дом. Бесшумно она проскользнула мимо дядиной спальни в свою комнату, быстро разделась, юркнула под одеяло и лишь после этого облегчённо вздохнула. Спать ей не хотелось. Из головы не выходило странное поведение Кузьмы.

Мадина никогда не видела его таким. Возле Кузьмы ей всегда было спокойно и легко. Когда он приходил к ней ночами в сад, она оживала и замирала от счастья. «Но почему сегодня с ним произошла такая непонятная перемена? – спрашивала себя Мадина. – Что нашло на моего любимого?»

И тут она вдруг поняла, в чём дело, и её как жаром обдало. Кузьма старше неё. Он молодой, красивый, полный сил мужчина! Мадина ужаснулась и накрыла голову подушкой, вдруг поняв, что хочет близости с ним. Она на мгновение представила себя нагой в одной постели с Кузьмой, и тело наполнилось негой и пламенным желанием...

Лежать в кровати Мадина уже не могла и потому выскользнула на террасу, затем вышла на улицу.

– Что я делаю? Схожу с ума? – спрашивала она себя.

Девушка была потрясена своим открытием и невозможностью поделиться своими переживаниями.

– Что делать? Что делать? – твердила она. – Кузьма... Он ведь едва не овладел мною!

Слёзы отчаяния хлынули из глаз Мадины неудержимым потоком. Она долго плакала, стоя посреди улицы.

– Я теперь буду бояться его! Я не смогу быть рядом с ним одна, как прежде!..

С трудом Мадина пришла в себя. «Как же мне быть? – думала она уже более трезво. – Уступить Кузьме, если он вдруг... – она зажмурилась, – о Аллах, как это мерзко и гадко!»

– Но я люблю его больше жизни! – прошептала она, остановившись у террасы. – Теперь я буду бояться Кузьму, не позволять ему касаться себя и жить, страдая.

Мадина очень нуждалась в совете и душевной помощи. Она не могла разобраться в себе и своих мыслях, хотелось выговориться, излить кому-то переполненную горечью душу. Была бы жива мама... Как ей не хватало сейчас любимого, дорогого человека!

Первый солнечный лучик, заглянувший с небес на землю, коснулся лица Мадины, и она разом почувствовала облегчение. С её плеч будто камень свалился. Раздавленная и опустошённая, она глубоко вздохнула – все страхи и сомнения исчезли. Она решила вернуться в дом, хорошенько выспаться, а потом, на светлую голову, обсудить будущие отношения с любимым...

Возвратившись после сумбурного свидания домой, Кузьма быстро прошёл в свою комнату, разделся и улёгся в постель. Сегодня он был слишком перевозбуждён встречей с любимой девушкой и был возмущён и раздражён своей несдержанностью по отношению к ней. «Как же я теперь ей в глаза смотреть буду? – думал Кузьма с досадой. – А она? Что она теперь будет думать обо мне? Мадина будет меня бояться и о прекрасных доверительных отношениях придётся забыть?»

Он уставился в ночную пустоту тоскливым взглядом, и его мысли понеслись вразнос, обгоняя друг друга. «О Господи, – думал Кузьма, тяжело вздыхая, – кроме тебя, мне и поговорить-то особо не с кем... Родители не понимают меня, а что тогда говорить о других людях, которых я не могу посвятить в тайны своей души? Родители говорят, что я сошёл с ума, полюбив Мадину. Может быть, они и правы, но сердцу не прикажешь... Сегодня я поступил не должным образом, Господи! Я обидел любимую своим необузданным порывом, а теперь я раскаиваюсь и не могу унять своего отчаяния. Я так люблю эту девушку, Господи. Днём и ночью я вижу её прекрасный образ перед собой, слышу её чарующий голос. Лишь теперь я понял, что любовь способна затуманить разум и подтолкнуть на безрассудный поступок. И... Ради любви к

Мадине, Господи, я готов на всё!»

Кузьма встряхнул головой и попытался отвлечься на другое, чтобы поскорее заснуть, но ему было не до сна.

«Наверное, у каждого человека своё представление о любви, Господи? – думал он. – К каждому она приходит по-разному. Мужчины всю жизнь ищут того, кто способен воспламенить их сердца, чтобы они не тлели, а сияли и сгорали без остатка! И женщины, наверное, тоже? Мне повезло, что я встретил такую любовь, но сегодня своей несдержанностью, видимо, всё испортил. Что на меня нашло, я не могу ни объяснить, ни оправдать. Затмение накатило на мою головушку, и я был бессилён сдерживать себя. Я очень люблю Мадину, Господи, и хочу жениться на ней, но... Здравый смысл подсказывает, что всё, о чём я мечтаю, – бред. Её дядя ни за что не отдаст за меня девушку, так как мне быть, посоветуй, Господи?»

Кузьма сбросил с себя одеяло и сел на кровати. Утро приближалось стремительно, а сон так и не шёл.

«Каждую ночь, ложась спать, я думаю о своей любимой, – с горечью подумал он. – Я вижу её своей женой, я обладаю ею и чувствую себя счастливым. Разве это не безумие? Господи, Владыка небесный, исполни мою просьбу, сделай так, чтобы Сибагат отдал свою племянницу мне в жёны. Сделай так, Господи! Сделай счастливыми нас обоих. Я сейчас как сумасшедший, а сумасшедшим всё прощительно. Раньше я не считал себя способным на какие-то переживания, но сейчас

они терзают меня, они причиняют мне жесточайшие страдания... Господи Боже мой милостивый, хотя умом я и понимаю, что все мои хлопоты напрасны и надеяться на “добро-ту” Сибагата бессмысленно, но... Всё же я надеюсь на чудо, сотвори его, Господи!»

Неизвестно, сколько бы ещё времени несчастный Кузьма молил о помощи Бога, но в конце концов усталость взяла своё. Он снова вытянулся на кровати, закрыл глаза и с наступлением рассвета, как в глубокую яму, провалился в сон, лишённый ярких живых красок и видений...

Кузьма не приходил на ночные свидания уже неделю. Мадина беспокоилась и винила себя в том, что обидела любимого своим недоверием и отпугнула его. А тут ещё дядя «познакомил» её с Азатом Мавлюдовым... Он был частым гостем в их доме, но девушка никогда не обращала на него внимания, но сейчас, после того как дядя познакомил их «официально»...

Мадина улыбалась ему во время «знакомства», а тот, приободрённый «тёплой встречей», стал ежедневно посещать их дом. Мавлюдов был настолько скромнен, что всегда краснел и смущался, когда девушка смотрела на него. Мадина же встречала его с вымученной улыбкой ровно неделю, а потом её показная приветливость стала остывать.

Хотя «новый знакомый» и не казался назойливым и претендующим на что-то, но девушка чувствовала, что это не так. Она вдруг поняла, что Азат приходит к ним не просто так.

Каждую ночь девушка тайком выходила в сад и подолгу ждала Кузьму под старой яблоней, но он не приходил. Зато Мавлюдов являлся каждый день, и это раздражало Мадину. В отличие от племянницы Сибгат Ибрагимович относился благосклонно к частым визитам Мавлюдова. Он не упрекал Мадину в том, что она мало уделяет внимание Азату. Хали-

лов сам «забавлял» гостя разговорами с ним и всячески подчёркивал важность и значимость его профессии.

– В судебной канцелярии работают во всех отношениях порядочные люди! – говорил он громко, косясь на племянницу. – А это высокое положение в будущем!

– Высокого положения можно достигнуть везде, на любом поприще, если приложить старания, – скромно «возражал» гость. – Я вот выучился на врача, а служу в судебной канцелярии. Мне хочется лечить людей, а я вынужден заниматься другим делом.

– Ты врач? – неподдельно удивился Сибатат Ибрагимович.

– Да, я учился лечить людей, – вздохнул Азат. – Вот только... – он замолчал. Видимо, ему больше не хотелось продолжать разговор на большую для себя тему.

– Ну и ну! – пожал плечами Халилов и, уловив настроение гостя, сменил тему. – У нас в Верхнеудинске врачей – пруд пруди, – сказал он с едва уловимой насмешкой. – А вот на службу в судебную канцелярию не попасть. Туда не берут людей с улицы...

Мавлюдов оживился.

– Если быть честным, – заговорил он, – то на любую достойную службу в настоящее время попасть сложно. Сначала к тебе присматриваются, затем приглашают на собеседование... Ну а если ты кому-то понравишься, то счастье к тебе в карман само залезет. В нашу судебную канцелярию, на-

пример, чаще всего берут по рекомендации, а вот в службу судебных приставов берут большей частью из каких-нибудь канцелярий или контор по выбору. Вот, например, неделю назад в службу судебных приставов приняли Кузьму Малова. Вы, наверное, хорошо знаете этого человека?

Услышав «весточку» про Кузьму, сидевшая с безучастным видом на диванчике Мадина встрепенулась, и это не укрылось от цепкого взгляда её дяди.

– Да, мы знаем этого молодого человека, – сказал Сибат Ибрагимович, со скучающим видом посмотрев на Азата. – Его родителей мы тоже хорошо знаем. Кузьма в отца пошёл... Огромного роста, силён невероятно, только умом не блещет.

– Смех да и только, – продолжил Мавлюдов, как только Халилов замолчал, наблюдая за раскрасневшейся от волнения племянницей. – Через неделю присяга, а на него форму подобрать не могут! Самый большой размер на складе нашли и натянули на Малова. Представьте себе, он не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть. Рукава кителя по локоть, брюки до колен... ну а сапог не смогли подобрать и вовсе... Он сказал, что есть свои, и он их будет носить.

– Так как же он служить собирается? – ухмыльнулся Сибат Ибрагимович. – В чём же он на службу ходить будет?

– Да мерку с него сняли, – ответил Азат охотно. – В пошивочной мастерской форму смастерят. Зато какое приобретение для службы! Малов один пяток человек заменит, а

зарплату за одного себя получать будет!

Услышанное ошеломило Мадину. Она едва не лишилась дара речи. Девушка вспомнила последнее свидание с Кузьмой. После своего необузданного порыва он сник, а она даже не позволила ему сказать то, что он собирался...

Вскоре Мавлюдов распрощался и покинул дом.

– Пожалуй, я тоже спать пойду, – взглянув на часы, сказал Халилов, позёвывая. – И ты спать ложись, Мадина. Ночь Аллахом для сна даётся, так что...

* * *

Нет, Кузьма не избавился от мук любви к Мадине. Ему казалось, что его бедное сердце испепелилось от страданий. Кузьма по-прежнему любил девушку до безумия, но понимал, что дальше так продолжаться не может. Время первой сумбурной наивной любви прошло. Теперь его мучила и угнетала любовь другая, настоящая, более глубокая и страстная. Ему хотелось близости с Мадиной, но...

Когда родители говорили ему о пропасти между ним и девушкой, Кузьма не прислушивался к их словам – сердцу нельзя приказать не любить.

Кузьма уже неделю не виделся с Мадиной, и на это у него были причины. Самой важной была болезнь отца. Старик заболел неожиданно и тяжело. А вторая причина – новое место службы. Кузьме приходилось подолгу задерживаться в суде,

изучая все тонкости службы судебных приставов.

Разобравшись в себе и со своими мыслями, Кузьма, как только больной отец заснул, собрался идти к девушке.

– Сынок, ты куда? – обеспокоенно спросила мать.

– Прогуляться пойду, – поморщился Кузьма, досадуя, что пришлось говорить неправду. – Спать что-то не хочется, сон нагулять хочу.

– Опять к Мадине собрался, – вздохнула мать. – Ну поймёшь ли ты когда-нибудь, что не пара она тебе, дитя неразумное?..

К дому Мадины Кузьма шёл торопливым шагом, бодрое настроение не покидало его. У забора он остановился. Ему вдруг стало очень стыдно.

– Ну, чего не заходишь? – услышал он голос девушки. – Или ты так, забором полюбоваться пришёл? Посмотреть, не стал ли он выше?

Вздвогнув от неожиданности, Кузьма тут же устыдился своей нерешительности и в одно мгновение перемахнул высокий забор.

Мадина пошла в сторону старой яблони. Кузьме ничего не оставалось, как последовать за ней.

– Что, цвет с вишен уже опал? – сожалея, заметил он.

– Ещё бы, – ответила, не оборачиваясь, девушка. – Ты бы позже заглянул, и как раз бы ягодки поспели...

– Не серчай, я был очень занят, – нашёптывал Кузьма оправдания. – У меня отец сильно приболел, и я...

– А предупредить меня ты не мог? – сказала с упреком девушка, резко обернувшись. – Я целую неделю места себе не находила, а ты...

– Я тоже страдал, не видя тебя, – вздохнул Кузьма. – Но слишком много забот навалилось на плечи мои.

– Глядя на твои плечи, этого не скажешь, – дрогнувшим голосом упрекнула Мадина. – А я склонна думать, что дело в другом... Признайся мне честно, ты разлюбил меня?

– Я и в мыслях такого не держал никогда, – выпалил Кузьма. – Я только одну тебя любил и люблю, Мадина. И нет в целом мире для меня никого тебя дороже.

– Может, ты так только говоришь, а на самом деле...

Кузьма почувствовал в её словах скрытую грусть и решил действовать.

– Я пришёл посоветоваться с тобой по очень важному делу. Я хочу тебе сказать...

– Уж не о том ли, что переходишь служить судебным приставом? – перебив его, подчеркнула свою осведомлённость Мадина.

Кузьма стушевался.

– Да, и об этом тоже, – вздохнул он. – Я хотел тебе сказать об этом ещё прошлый раз, но ты не захотела меня слушать.

– Твоё непонятное поведение рассердило меня, – строго заявила девушка. – Ты был будто шайтаном одержим и очень испугал меня.

И тут на Кузьму накатило – он даже не ожидал от себя

такого.

– Я больше не могу так жить, как живу, – заговорил молодой человек взволнованно. – Ты должна мне поверить, я говорю серьёзно. Я очень люблю тебя, Мадина! Никого и никогда я не любил так, как тебя. Но больше наши отношения так продолжаться не могут! Я схожу с ума, обнимая и целуя тебя, но мне хочется большего. Я хочу, чтобы ты стала моей женой, любимая! Я хочу ласкать тебя в постели, и тогда... – он замолчал, не находя слов, опасаясь снова испугать девушку.

Мадина смутилась, но спокойно ответила ему:

– Я ждала этого разговора, Кузьма. Я понимаю тебя и твои желания, но... Давай сегодня не будем говорить об этом!

– Нет-нет, – занервничал он, – я не могу больше молчать. Я день и ночь думаю только о тебе, и это отравляет мою жизнь. Я больше не могу жить так дальше, я...

Мадина в задумчивости обняла ствол яблони и молчала, глядя на сияющую в небе луну. И было трудно понять, счастлива ли она после признаний Кузьмы или снова сердится на него.

– Через неделю я буду присягать государству на новой должности, – сказал он. – А потом я пойду к твоему дяде разговаривать относительно сватовства. Как ты отнесёшься к этому?

– Ты попусту потратишь время, – погрустнела девушка. – Я не знаю, как всё будет выглядеть, но сердцем чую, что дядя

непрерывно откажет тебе.

– Даже если откажет, я готов к этому, – сказал Кузьма, с трудом сдерживая вдруг пробудившуюся внутри ярость. – По крайней мере, я буду знать, что посылать в ваш дом сватов бессмысленно. Тогда я начну ломать голову над тем, как...

Он замолчал, не закончив фразы, чтобы не огорчить девушку, которая стояла перед ним, едва сдерживая слёзы.

* * *

Незадолго до полуночи Сибатат Ибрагимович захлопнул Коран, положил его на столик и задумался. Он читал суры священной книги несколько часов подряд, и теперь голова его была наполнена впечатлениями от прочитанного. Тихо скрипнула входная дверь. Сибатат Ибрагимович взглянул на часы и недоумённо вскинул брови. «Уже полночь! – подумал он. – Ну и зачитался я сегодня... Кстати, а почему скрипнула дверь? Это служанка не закрыла её на ночь? А может, воров заглянули в мой дом с целью пожить?»

Взяв лампу, он медленно двинулся к выходу из дома, попутно прислушиваясь к шороху своих шагов. Осмотрев террасу, он спустился по ступенькам и замер. Со стороны сада слышались голоса. Сибатат Ибрагимович погасил лампу и, крадучись, пошёл к калитке.

– Нет-нет! Я не могу молчать! Я день и ночь думаю только

о тебе, и это отравляет мою жизнь... – прислушавшись, Халилов узнал голос Кузьмы Малова. – Я больше не могу жить так дальше, я...

Сибагат Ибрагимович сразу понял, кому адресованы признания молодого человека.

– Через неделю я буду присягать государству на новой должности, – снова заговорил Малов. – А потом я пойду к твоему дяде разговаривать относительно сватовства.

«Вот, значит, как? – удивился Сибагат Ибрагимович. – Видимо, у них давно уже всё не так просто. Пора вмешаться в их дружбу и положить конец встречам, пока всё не зашло ещё дальше...»

– И только попусту потратишь время, – услышал он ответ племянницы. – Я не знаю, как всё будет, но сердцем чувую, что дядя откажет тебе!

«Правильно чувствует твоё сердечко, девочка, – подумал с усмешкой Халилов. – Я никогда не отдам тебя замуж ни за кого, и тем более за этого огромного балбеса...»

– Даже если откажет, я готов к этому, – заговорил Кузьма. – По крайней мере я буду знать, что посылать в ваш дом сватов бессмысленно, и... Тогда я начну ломать голову над тем, как...

«Ломай не ломай свою дурную башку, но по-твоему не будет, – зло подумал Сибагат Ибрагимович. – Никогда бы не подумал, что Мадина способна ночами бегать на свидания к этому обормоту. Теперь ясно, почему она всегда спит до

полудня и...»

Молодые люди признавались друг другу в любви, будучи уверенными, что их никто не слышит. Халилов нервно тёр кисти рук и чувствовал, как неприятная дрожь охватывает всё тело. Окончательно разозлившись, он открыл калитку, намереваясь войти в сад и положить конец любовной идиллии, но, передумав, остановился.

– Иди спать, Кузьма, уже скоро утро, – сказала Мадина, и Сibaгат Ибрагимович насторожился.

– Рад бы идти, да не могу уйти от тебя, – ответил Малов. – Каждый раз, когда я возвращаюсь домой, как будто оставляю в вашем саду частичку себя.

– И всё же нам пора расстаться, – сказала Мадина. – Мне очень жаль, но время наше вышло.

«Быстренько прощайтесь, голубчики, больше вам не увидите», – озлобленно подумал Сibaгат Ибрагимович, и ненависть, страшная, порывистая, оттолкнула его от калитки. Поднимаясь по ступенькам на террасу, Халилов нервно потирал кисти рук. Он был возбуждён, глаза сверкали, но он держал в узде бушующие внутри чувства.

– Нет, не быть по-вашему, – прошептал он зловеще, укладываясь в кровать. – Никогда не быть по-вашему, голубчики! Я не для того выращивал Мадину, чтобы...

И вдруг его будто озарило. Злоба в груди угасла, а на смену ей пришли злорадство и... Сibaгат Ибрагимович закрыл глаза и погрузился в сладкий сон с улыбкой на губах, как

счастливейший из людей, очень довольный собой и своей безоблачной жизнью.

Церемония приведения вновь поступивших на службу судебных приставов к присяге была назначена на пятницу в здании Общественного собрания. Большой зал был уже переполнен гостями, а приглашённые всё подходили и подходили. Офицеры в мундирах, бряцанье шпор и сабель. Следом за ними чиновники во фраках. Тут же молодые кавалеры с дамами...

В последний момент к двери подбежал опоздавший, но дворецкий преградил ему путь.

– Моя фамилия Мавлюдов, я приглашён на церемонию, – запротестовал Азат, пытаюсь войти в зал.

– Не могу... Не положено, – отвечал дворецкий с непроницаемым лицом.

– Но церемония только начинается! – настаивал Мавлюдов.

– Вот потому и не положено, что церемония уже начинается, – глядя на часы, возражал дворецкий.

– Я чиновник судебной канцелярии! – возмутился Азат. – Я...

– Всё одно не велено, – спокойно отозвался дворецкий, давая понять, что разговор окончен.

К двери подошёл ещё один господин, кивнул дворецкому и пожал руку Мавлюдову.

– А ты чего не в зале, Азат? – спросил он с едкой усмешкой.

– Этот же вопрос можно адресовать тебе, господин Бурматов, – ответил Мавлюдов и кивнул на дворецкого. – А я вот припоздал, понимаешь ли, чуть-чуть и теперь меня не пускают.

Бурматов перевёл взгляд на дворецкого и укоризненно покачал головой:

– Чего же это ты, милейший Игнат?

– Не велено пускать опоздавших, – пожимая плечами, ответил тот.

– А отсюда за церемонией понаблюдать позволишь? – поинтересовался Мавлюдов.

Дворецкий пожал плечами и посторонился. Бурматов и Мавлюдов заглянули в зал: батюшка как раз приводил к присяге судебных приставов, стоявших перед ним в ряд.

– Ого, какой один в строю здоровенный! – удивился Бурматов. – На целую голову выше всех остальных!

– Это Кузьма Малов, – усмехнулся Мавлюдов. – Каланча, а не человек. Сам видел, как он своими ручищами подковы разгибает.

Из зала слышался зачитываемый текст присяги.

– Сколько живу, часто слышу о судебных приставах, а вот чем они занимаются, так и не удосужился поинтересоваться, – пробубнил задумчиво Бурматов.

– У них обязанностей – непочатый край, – глядя в зал,

сказал Мавлюдов.

– Суд охраняют? – хмыкнул Бурматов.

– Это только одна из многих. Они ещё разыскивают должников, их имущество, на которое накладывают арест. И ещё они занимаются поисками преступников и их доставкой в суд для дальнейшего разбирательства.

Из зала послышались аплодисменты.

– А что им только что вручили? – недоумённо вскинул брови Бурматов. – Чему так рады господа судебные приставы?

– Им выдали свидетельства о вступлении в должность с указанием местности, назначенной для жительства, – ответил Мавлюдов, меняясь в лице. – А ещё им выдали особые знаки и особые печати...

– Что это с тобой, Азат? – заметив перемену в настроении собеседника, поинтересовался Бурматов. – Ты как будто самого шайтана увидел.

Он проследил за взглядом Мавлюдова.

– А что, красивая девушка, – сказал он одобрительно. – Как её зовут?

– О ком это ты?

– О той черноволосой красавице, которая стоит рядом с Сибагатом Халиловым, – с усмешкой ответил Бурматов.

– Это его племянница Мадина, – нехотя пояснил Мавлюдов.

– А чего ты пялишься на неё? – поинтересовался Бурма-

тов с издёвкой. – Уж не влюбился ли?

– Нет, мы с девушкой просто друзья.

– А она так смотрит на того огромного пристава, что оторваться не может, – поддел Бурматов.

– Это тебе только кажется, – прошипел Мавлюдов, начиная злиться. – Девушка первый раз на церемонии и поэтому полна восторженных эмоций.

– Ты должен быть с ней рядом? – ухмыльнулся Бурматов. – Признайся, Азат!

– Не с ней, а с её почтенным дядей, – уточнил, хмурясь, Мавлюдов.

– У вас с ним тёплые отношения? – сыпал вопросами, как заведённый, Бурматов.

– Мы очень дальние родственники, – солгал Мавлюдов, краснея. – А у татар даже такое родство всячески приветствуется и поддерживается.

Из зала снова послышались аплодисменты.

– Вот и закончилась церемония, господа, – объявил дворецкий, отворяя двери. – Сейчас начнётся бал. Прошу отойти от двери, чтобы не мешать выходящим.

Среди гостей церемонии в холл вышли купец Халилов, его племянница и только что принявший присягу теперь уже судебный пристав Кузьма Малов. У всех счастливые лица. Увидев Мавлюдова, Сибагат Ибрагимович поманил его пальцем, а Малов и девушка отошли в сторону, к большому окну.

– Ты опоздал на церемонию, Азат, – укоризненно покачал головой Халилов. – Обещал быть вовремя, а сам?

– Дела задержали, уважаемый Сibaгaт Ибрагимович, – ответил Мавлюдов, уводя взгляд в сторону.

– Надеюсь, они были стоящими? – едко поинтересовался Халилов.

– Разумеется, – ответил Мавлюдов, краснея. – Обоз с товаром уже вышел из Уфы и скоро будет в нашем городе.

– Тот товар, который ты мне так нахваливал и в который я вложил огромные деньги, давно уже должен лежать на прилавках моих магазинов и лавок, а не тащиться в обозе по тайге. Если до Уфы его везли тайно, контрабандно, то обратно вполне можно было перевезти легально и на поезде. Твоё же опоздание сегодня я связывал именно со встречей поезда или обоза.

– Придётся ещё дня два-три потерпеть, уважаемый Сibaгaт Ибрагимович, – вздохнул Мавлюдов, побледнев. – Кони только под седлом скачут быстро, а в обозе, впряжённые в телеги, плетутся, как черепахи.

– Ты можешь и подождать, тебе спешить некуда! – возразил Халилов резко. – Ну а для меня, моего состояния и моей репутации каждая минута на вес золота. Ты убедил меня вложить в этот товар весь свой капитал. Мало того, я занял огромную сумму под проценты. Сейчас мои друзья начинают превращаться в моих врагов. Завтра утром они собираются подавать на меня иски в суд! Это говорит тебе о чём-

нибудь, Азат?

– Я сожалею, что так получилось, уважаемый Сibaгат Ибрагимович, – опуская голову, сказал Мавлюдов. – Не по моей вине эта вынужденная досадная задержка.

Халилов кивнул проходящему мимо господину, после чего снова обратился к собеседнику:

– Я доверился тебе, Азат, а ты меня подвёл. Моя репутация страдает. Те убытки, которые понесу, я буду вынужден взыскать из твоей доли.

– Хорошо, я согласен возместить вам убытки, – помрачнел Мавлюдов. – Но требую гарантий относительно нашего уговора.

– Ты осмеливаешься спрашивать о моей племяннице? – усмехнулся Халилов.

– Вы обещали отдать её за меня, – оживился Мавлюдов. – Я сплю и вижу Мадину своей женой!

– Раз обещал, значит, ты её получишь, – подтвердил обещание Сibaгат Ибрагимович. – Но к этому разговору мы вернёмся тогда, когда товар в целостности и сохранности прибывает в город.

– Принимается, – расцвело в улыбке лицо Азата. – Вот только...

– Чего замолчал? Договаривай! – нахмурил лоб Халилов.

– Мне неприятно видеть вашу племянницу рядом с этим громилой приставом, – уводя взгляд в сторону, заявил Мавлюдов. – Что-то мне подсказывает, что между ними есть от-

ношения.

– Она мусульманка, а он христианин, не забывай об этом, – хмыкнул Сibaгaт Ибрагимович. – Я никогда не отдам племянницу за русского остолопа, так и знай!

– А если он ради Мадины примет ислам? – едко поинтересовался Азат, но Халилов был категоричен.

– Это не изменит моего решения, – сказал он. – Малов беден, а такие родственники нам не нужны, так что больше не будем говорить об этом.

Увидев знакомого купца, Халилов помахал тому рукой и отошёл, оставив Мавлюдова одного в растерянности и волнении.

* * *

Кузьма Малов и Мадина Исмагилова расположились в холле у окна. Молодой человек счастливо улыбался, а девушка весело и звонко смеялась.

– Ой, как это интересно! – воскликнула она, выслушав Малова. – Ты никогда не рассказывал мне о своей жизни так подробно.

– Я никогда и никому о себе так много не рассказывал, – признался, улыбаясь, Кузьма. – Теперь ты знаешь, что мои родители хоть и не бедные, но люди далеко не богатые. Вот и получается, что эта должность для меня как подарок небес!

– А почему ты не в форме, как другие? – полюбопытство-

вала девушка, игриво стреляя глазками в сторону Кузьмы.

– Размера моего на складе не нашлось, – вздохнув, ответил он застенчиво. – В мастерской заказали, а пошить к сегодняшнему дню не успели. Но, несмотря ни на что, я счастлив вдвойне! Присягу принял – и ты со мною рядом.

– И я этому рада, – хохотнула Магина, поведя плечами. – А могло случиться и так, что меня бы здесь не было. Дядю кто-то пригласил на церемонию, а он меня с собою взял. Обычно он так не поступает. Говорит, что мусульманская женщина должна видеть только дом и хранить семейный очаг. А сегодня... Я даже не могу объяснить его поступок!

– Не надо ничего объяснять, – снова вздохнул Кузьма. – В этот торжественный для меня день ты рядом и мы оба счастливы! Я рад, что на твоего дядю снизошла какая-то благодать, и он взял тебя на церемонию присяги!

– А мне этого мало, – капризно надула губки девушка. – Я хочу тебя видеть рядом всегда!

– Через неделю форму новую получу, а ещё через неделю приду тебя сватать, – сказал Кузьма взволнованно. – Я больше не могу жить без тебя, любимая моя. Только и думаю о том, чтобы тебя женою своей видеть!

Выслушав его, Магина вдруг погрустнела.

– Знаешь, а я боюсь этого дня, – сказала она. – Мой дядя человек очень добрый и любит меня. Но замуж за иноверца... Он не отдаст меня за тебя, Кузьма, и не надейся.

– Но почему ты уверовала в это, любимая? – спросил он испуганно. – У вас что, уже состоялся разговор с дядей о моих замыслах?

– Нет, мы не говорили с ним об этом, – сказала она, качая головой. – Он очень религиозен, всегда посещает мечеть и соблюдает посты. К иноверцам он относится терпимо и пренебрежительно, но... Он ни за что на свете не согласится выдать меня за христианина!

– Я всё сделаю, что он велит, – прошептал Кузьма возбуждённо. – Я горы сверну ради счастья нашего, пойду, упаду ему в ноги и...

– Что, и даже от веры своей отречёшься? – скептически усмехнулась Мадина.

– Ты считаешь, что он и это может от меня потребовать? – спросил ошеломлённо Кузьма.

– Мой дядя хитёр и мудр, – ответила девушка, пожимая плечами. – Никогда невозможно узнать, что у него в голове.

– Тогда почему он не запрещает нам встречаться?

– Я часто задумываюсь над этим, но ответа не нахожу. Может быть, потому, что мы жили когда-то по соседству? Твой отец работал приказчиком у моего отца, а мы с тобой росли вместе.

Малов задумался.

– Тогда твой дядя был беден и едва сводил концы с концами, работая сапожником на базаре, – заговорил он после короткого раздумья. – Я даже помню его согнутую просящую

фигуру, когда он приходил в ваш дом просить в долг денег.

Выслушав его, Мадина вздохнула.

– А теперь он богат и не любит вспоминать то время, – сказала она. – Особенно дядя сердится, если вдруг кто-то при нём вспоминает про страшный пожар, в котором погибли мои родители.

– Я тоже очень хорошо помню, как горел ваш большой дом, – нахмурился от страшных воспоминаний Кузьма. – Пожар случился ночью. Сбежались все соседи, но ничего спасти было невозможно.

– Если бы дядя не ночевал тогда у нас во дворе, то и я сгорела бы вместе с родителями, – с дрожью в голосе продолжила девушка. – Он спас меня и вырастил как дочь, за что я ему обязана и благодарна!

– А ещё он сказочно разбогател после смерти твоих родителей, – скептически подметил Кузьма. – А отца моего уволил...

– Любимый мой, не думай плохо о дяде Сибагате и не говори так о нём, – поджала обиженно губки Мадина. – Он всегда заботился обо мне. Дядя любит меня и ни в чём мне не отказывает.

На этом разговор пришлось закончить. Из зала вышел Сибагат Ибрагимович и поманил рукой племянницу. Девушка тут же поспешила к нему, оставив Кузьму наедине с самим собой и с его мрачными мыслями.

Оркестр заиграл вальс, и бал начался. Из холла все потянулись в зал, а Мавлюдов и Бурматов остались сидеть за столиком у буфетной стойки. Азат нервничал, слушая Бурматова, а тот весело сыпал шуточками вперемежку с «солёными» анекдотами. Нервозность собеседника забавляла его.

– Ты слышал всё, что они говорили? – спросил Мавлюдов, кусая нижнюю губу.

– Если не всё, то почти всё, – ответил Бурматов с едкой усмешкой.

– И что, он признавался ей в любви?

– Этого я не слышал, но что называл своей любимой – это точно. Он сказал, что через неделю форму получит, а ещё через неделю сватать её пойдёт. А ты чего так в лице переменялся, Азат? Сам же говорил, что вы с девушкой просто друзья.

– Так оно и есть, – огрызнулся Мавлюдов. – Просто мне её судьба далеко не безразлична. Мадина – мусульманка и должна выйти замуж только за мусульманина.

– За такого, как ты, разумеется? – усмехнулся Бурматов.

– А чем я плох? – разозлился Азат, с ненавистью глядя на собеседника.

Бурматов, смакуя каждое слово, сказал:

– Ты хорош, даже очень, но в сравнении с судебным при-

ставом Маловым ты и ростом, и здоровьем проигрываешь!

– Зато я кошельком в выигрыше и верой мусульманской! – с вызовом воскликнул Мавлюдов. – Для старика Халилова мои аргументы во много раз весомее, чем рост и дырявые карманы Кузьмы Малова.

– Именно об этом ты разговаривал сейчас с дядей Мадины? – заинтересовался Бурматов.

– Нет, мы говорили о другом, – ответил Азат, раздражаясь ещё больше. – А тебя почему всё интересует? Ты и за Мадиной подслушивал, и за нами приглядывал?

Прежде чем ответить, Бурматов медленно допил остатки вина:

– Я рос любопытным и любознательным ребёнком и не нахожу в этом ничего плохого. А разговор девушки и её кавалера я подслушивать не собирался. Так вышло, что они ворковали друг с другом, как голубки, рядом со мной. Они были так увлечены и беспечны, что не замечали ничего вокруг.

– Кстати, а ты чего здесь вообще ошиваешься, господин Бурматов? – вдруг оживился Мавлюдов. – Здесь нет карточных столов и вообще здесь не игорное заведение, а приличное место!

– Вопрос, конечно, запоздалый, но я на него отвечу, – улыбнулся тот. – Шёл мимо и заглянул сюда так, из любопытства. Устраивает?

– Судя по тому, как ты не в меру любопытен, поверить можно, – скривил в усмешке свои тонкие губы Азат. – Но

я склонен полагать, что ты явился, чтобы перезанять у кого-нибудь денег?

Бурматов заёрзал на стуле и, потупясь, сказал:

– Да, не спорю, я испытываю некоторые денежные трудности, но зашёл сюда не в поисках того, кто согласился бы дать мне займы.

– Не скромничай, Митрофан, ты уже год, как разорён, – позлорадствовал Мавлюдов. – Ты проиграл и промотал немалое состояние, оставленное отцом. А сейчас тебе не на что жить, и об этом знает весь город.

– Да, я на мели, – согласился, вздыхая и озабоченно хмурия лоб, Бурматов. – Но разорение пошло мне на пользу. На тяготы жизни я научился не роптать, а использовать их себе во благо. Вот, например, я обнаружил в себе способности к сыску и намерен использовать вдруг открывшийся талант не только для заработка, но и для удовлетворения души. Суетная жизнь мне интересна.

– Уж не собираешься ли ты предложить мне свои услуги? – рассмеялся Азат.

– А почему бы и нет? – пожал плечами Бурматов, с хитрецей глядя на собеседника. – Если у тебя есть надобность в моих способностях и услугах, то вопрос встанет только о размере вознаграждения.

– Ну уж нет, к счастью, в твоих услугах я не нуждаюсь, – «разочаровал» его Мавлюдов. – Скажу больше, сударь, ты мне противен, и я не желаю больше с тобой разговаривать.

– Хозяин – барин, – Бурматов развёл руками, расплатился с подошедшим официантом, раскланялся и ушёл в зал, где гремела музыка оркестра и слышался гул веселившихся горожан.

Мавлюдов проводил его презрительным взглядом, тоже расплатился с официантом и пошёл к выходу, что-то бормоча себе под нос...

При входе в кабак в нос Сибагата Ибрагимовича сразу же ударило запахом чеснока и лука. В зале пахло чем-то жареным – не то рыбой, не то мясом. Все столики были заняты посетителями.

Халилов прошёл в свою комнатку, но не успел сесть за стол, как перед ним вдруг вырос управляющий Назар Кругляков.

– Здравствуйте, Сибагат Ибрагимович! – поприветствовал он хозяина радостным восклицанием. – Вы как, один собираетесь пообедать или...

– Веди его, – сказал Халилов, хмуря лоб. – Но... сначала скажи мне, чем «знаменит» гость, который привлёк твоё бдительное внимание?

– А может быть, вас порадовать известием об обозе с мехами? – льстиво хихикнул Кругляков. – Так вот, всё в ажуре! Меха теперь наши и...

– Достаточно, расскажешь обо всём попозже, – улыбнулся Халилов по-настоящему радостной вестью. – Сейчас ближе к делу... Расскажи мне о том, ради кого я сюда пришёл.

– С виду это совершенно обычный человек, – заговорил управляющий, почесав подбородок. – Но он не так уж и прост, как кажется.

– Чем он заинтриговал тебя? – взглянул на него недоумён-

но Халилов.

– Этот человек, когда вошёл в кабак, сразу повёл себя как-то странно, – продолжил, заговорчески понизив голос, Кругляков. – Он не сел за стол, не сделал заказа, а отозвал меня в сторону и... Он предложил мне купить вот это...

Управляющий достал из внутреннего кармана жилетки золотой самородок величиной с голубиное яйцо и продемонстрировал его хозяину. Глаза Халилова блеснули алчным огоньком:

– И сколько он запросил за него?

– Он запросил за него всего лишь пятьсот рублей, – ответил Кругляков, плотоядно улыбаясь. – Но уступил за двести пятьдесят. Сказал, что очень нужны деньги.

– И какие у тебя мысли на этот счёт? – поинтересовался Сibaгат Ибрагимович, забирая самородок.

– Мысли у меня самые радужные, – ещё шире улыбнулся управляющий. – Первая – этот «красавчик» не в ладах с законом, а вторая – самородок у него в единственном экземпляре!

– То есть? – не понял Халилов, убирая самородок в карман и доставая из другого набитый деньгами кошелёк. – Ты хочешь сказать, что больше золота при нём нету?

– Склонен полагать, что это именно так... Он не производит впечатления удачливого золотоискателя.

– Так сколько ты отдал тому «набобу» за самородок? – поинтересовался Сibaгат Ибрагимович, раскрывая кошелёк. –

Двести пятьдесят рублей или брешешь?

– Двести пятьдесят, – чуть не плача, ответил Кругляков, с сожалением глядя на карман пиджака хозяина, в который тот положил его самородок.

– Вот тебе триста, – подмигнул ему Халилов, отсчитывая купюры. – А теперь ступай и приведи его ко мне. Меня прямо-таки распирает от желания с ним побеседовать.

Взяв деньги, повеселевший управляющий ужом выскользнул из комнаты. Не успел Халилов собраться с мыслями и обдумать свои следующие шаги, как Кругляков вернулся обратно с растерянной улыбкой на лице.

– Что-то ты на себя не похож, Назар? – насторожился Сибагат Ибрагимович, глядя на его лицо и обратив внимание на его улыбку, вдруг сделавшуюся натянутой и глупой. – Что-то случилось в зале в твоё отсутствие?

– Да нет, в кабаке всё хорошо, – ответил управляющий, присаживаясь за столик напротив хозяина. – Только вот «богач» наш успел поднабраться до чёртиков и уснуть за столом.

– Тогда радуйся, а не делай свою морду похоронной, – усмехнулся Халилов. – Тебе хлопот меньше, так ведь?

– Так-то оно так, – кивнул, соглашаясь, Кругляков. – Этого пропойцу мы уложим спать и утром опохмелим. Только вот...

– Что еще? – прикрикнул на него Сибагат Ибрагимович, недовольно хмурия брови.

– Вот... – управляющий достал из кармана жилетки вчет-

веро сложенный лист бумаги и протянул его хозяину.

У Халилова глаза полезли на лоб.

– Что это? – спросил он. – Из его кармана выудил?

– Да нет, – нахмурился, багровея, Кругляков. – Карманы его одежды я позже осмотрую. А вот телеграмма... Я прочитал её и ничего не понял.

– Какая телеграмма? – забеспокоился Сибегат Ибрагимович. – Когда тебе её принесли?

– Только что, – ответил управляющий, бледнея. – У меня никогда в Уфе не было родственников, а тут...

– Давай сюда!

Халилов выхватил телеграмму, не читая, сунул её в карман и засобирался уходить.

– Ты, Назар, жди меня утром, – сказал он на прощание, обернувшись от двери. – Делай что хочешь, но бродягу до моего прихода в кабаке придержи.

– А может, его перепохмелить? – предложил управляющий.

– Лучше накорми, а выпить дай немножко. Может быть, мне поговорить с ним понадобится, а с пьяной мордой любой разговор – пустая трата времени.

– Это точно, – вздохнул Кругляков, хмуро глядя на закрывшуюся за ушедшим хозяином дверь. – Если человек лыка не вяжет, то его голова пуста, как ржавая бочка...

Сибагат Ибрагимович не спал всю ночь. Он несколько раз перечитал отпечатанный на узких полосках текст и никак не мог отделаться от тревожного чувства, поселившегося в нём: «Я тяжело болен. Приезжай, иначе живым больше меня не увидишь!»

Телеграмма была адресована ему, хотя пришла на имя Назара Круглякова. Сибагат Ибрагимович знал, кто её прислал. Текст на самом деле означал сигнал тревоги, предупреждавший об опасности.

К утру он уже знал, что нужно делать. «Пора завязывать со всем, наигрался, старый, – напряжённо думал Халилов, спешно собираясь в дорогу. – Время сейчас трудное, революционеры шалят и... Когда их начнут вычёсывать, как вшей, из тела государства, то можно будет с ними заодно угодить под одну гребёнку...»

В семь часов утра купец был готов к отъезду. Посмотревшись в зеркало, он озабоченно хмыкнул, затем подошёл к двери спальни племянницы и постучал. «Пора положить конец её свиданиям с Кузьмой, – подумал Сибагат Ибрагимович. – Совсем запудрил мозги девке, гадёныш. Как только вернусь, отважу его от нашего дома. Пусть знает своё место, “господин судебный пристав”...»

Взяв в руки дорожный баул, он вышел на улицу, где его

ожидал слуга и готовая к отъезду коляска.

– Куда поедем, Сibaгaт Ибрагимович? – поинтересовался слуга, беря в руки вожжи.

– Сначала в кабак на базар, – сказал он задумчиво. – А потом отвезёшь меня на вокзал, если не передумаю.

– Вы куда-то уезжаете, Сibaгaт Ибрагимович? – любопытствовал слуга.

– К родственникам еду, – не слишком охотно ответил Халилов. – Вы тут в моё отсутствие за домом приглядывайте и... за Мaдиной тоже.

– А она сердиться не будет? – испуганно спросил слуга.

– Если она рассердится, то это полбеда, – предупредил Халилов. – А вот если я рассержусь...

– Нет, не надо, – оживился слуга и дёрнул за вожжи. – Уж лучше хозяину угодить, чем...

Он не договорил, щёлкнул кнутом и лихо присвистнул, подгоняя лошадь.

Слуга быстро доставил хозяина к кабаку и услужливо помог ему сойти из коляски.

– Ты вот что, – прежде чем войти в кабак, обратился к нему Сibaгaт Ибрагимович. – Моя племянница ночами в сад ходить повадилась на свидания. К ней через забор мерзавец какой-то в гости захаживает.

– Так что с ним делать прикажете? – заинтересовался слуга. – Бока наломать или снести башку сразу?

– Для начала бока обломайте, – ухмыльнулся Халилов. –

Но только тогда, когда Мадина с ним распрощается и вернётся домой.

– Понятно, ублажим стервеца! – с готовностью кивнул слуга. – А может...

– На первый раз достаточно будет, – перебил его Сibaгат Ибрагимович нетерпеливо. – А теперь сиди здесь и жди меня. Когда выйду, скажу, куда поедem...

Он махнул рукой, развернулся и вошёл в «питейное заведение».

* * *

Управляющий встретил его с хмурым лицом.

– Что, опять чего-то стряслось? – спросил Сibaгат Ибрагимович.

– Да постоялец мой сбег, паскуда... – развёл руками Кругляков.

– Как же ты его проворонил, чучело огородное? – разозлился Халилов.

– Ну... – пожал плечами управляющий, давая понять, что ему сказать нечего.

– Такого барашка упустил... – сердито пробубнил Сibaгат Ибрагимович. – Куда он может податься в нашем городке? А если он ещё и с золотом?

– С золотом? – приунывший было Назар позволил себе улыбнуться. – Да не было при нём никакого золота, хозяин!

Пока он дрыхнул во хмелю, я всю его одёжку пальцами перебрал, каждый шов прощупал.

– И что, ничего не нашёл? – глянул на него подозрительно Сibaгат Ибрагимович.

– Золота не нашёл, только деньги, которые я ему за самородок заплатил.

– И всё? Больше ничего? – не поверил ему Халилов.

– Ну почему же, – улыбнулся управляющий и перешёл на шёпот: – Я нашёл в его одежонке несколько листовок крамольного характера.

– Вот как? – удивился Сibaгат Ибрагимович. – И для чего они ему?

– Сам спросить хотел, да только сбёг он, – вздохнул Кругляков. – Ужом из кабака выскользнул, подлюга...

– И куда же он всё-таки мог податься? – задумался Халилов. – Если учесть, что он не местный и чего-то боится, то...

– У него одна дорога – на вокзал! – воскликнул управляющий. – Я сейчас возьму пару человек и...

– Нет, не надо, – остудил его пыл Сibaгат Ибрагимович. – Пусть себе едет, зачем нам лишняя морока.

– Но-о-о у него может быть золото? – опешил Кругляков.

– Едва ли, – усомнился Халилов. – Всё, что у него было, вот этот жалкий самородок. Если на золотоискателя он не похож, значит, спёр где-то эту вещицу. А самородок он тебе продал... Уступил за бесценник, понял?

– Но-о-о... Остальное он мог спрятать, прежде чем прий-

ти в кабак.

– Нет, он пуст, как бубен шамана, – уверенно возразил Сibaгат Ибрагимович. – Если он носится с крамольными листовками, значит революционер! Плюс ко всему, наверное, из ссыльных. Теперь он сбежал с поселения и пытается вернуться куда-нибудь в Москву или Петербург. И потом, революционеры помешаны на своих чёртовых идеях о свержении царизма и далеки от золотодобычи! Ну? Ясно тебе, пень стeросовый?

– Не совсем... – нахмурился управляющий, который, видимо, считал иначе. – А может, стоит его проверить?

– Где? В поезде?

– А что? Дело знакомое. Прижмём где-нибудь в тамбуре, придавим и...

– Сидите все смиренно и не высовывайтесь, – рыкнул на него угрюмо Халилов. – Поведение этого жучары меня настораживает... На душе тоже кошки скребут. Гарантий нет, что этот прощельга – Федот, да не тот! На революционера он тоже не похож, а вот на сыскаря... Жаль, что не видел я его и не беседовал с ним... Я бы его «принадлежность» по его подлючей морде определил.

Они молчали несколько минут, думая каждый о своём. Первым нарушил молчание Назар Кругляков.

– Вы куда-то собрались, Сibaгат Ибрагимович?

– К родственникам в Казань съездить надо, – привычно солгал, не задумываясь, Халилов. – К тебе вот заглянул, что-

бы сказать – никакой самодеятельности. Никаких дел до моего возвращения.

– Как велите, Сибат Ибрагимович, – напрягся управляющий. – А если что стоящее за время вашего отсутствия подернётся?

– Никаких дел! – грозно глянул на него Халилов. – Если тот, кто продал тебе самородок, сыскарь, то... Делай выводы, Назар. Он, может быть, не просто так мелькнул в нашем тихом городке.

Отдав ещё несколько распоряжений, купец приказал отвезти его на вокзал. Покупая в кассе билет, он увидел того самого «набоба», который продал управляющему золотой самородок. Сибат Ибрагимович узнал его сразу, хотя видеть никогда раньше не приходилось. Кругляков описал очень хорошо.

«Нет, и на сыщика ты не похож, братец, – подумал, разглядывая, Халилов. – А вот на беглеца от кредиторов, пожалуй...»

* * *

Окутываемый дымом, струёй бьющим из трубы, и клубами пара, паровоз медленно отползал от вокзала, таща за собой несколько пассажирских вагонов. Вскоре он прибавил ходу, и за окнами стремительно понеслись деревья, телеграфные столбы и горы.

Сibaгaт Ибpaгимoвич сидeл в купe вaгoнa в глyбoкoм рaздyмьe. Мысли в гoлoвe прoнoсились с сyмaсшeдшeй скoрoстью oднa зa дpyгoй. Eмy пoвeзлo: в кyпe, крoмe нeгo, бoльшe никoгo нe былo.

Нo eхaть oднoмy в кyпe eмy oстaвaлoсь нeдoлгo. Хoтя пoезд и считaлся скoрoстным экcпрeссoм, Хaлилoвy прeдстoялo пeрeсeчь нa нeм вcю Сибирь, чтoбы дoстичь кoнeчнoй цeли свoeй пoездки – гoрoдa Уфы. Нe oдни сyтки прeдстoялo eмy прoвeсти в кyпe вaгoнa, и Сibaгaт Ибpaгимoвич был гoтoв к этoмy нeшyтoчнoмy пeрeeздy.

Трeвoжный тeкст тeлeгрaммы зaстaвил кyпцa сoбрaться в дoрoгy. Он чaстeнькo пoсылaл в Уфу гoнцa нa рaзвeдкy, чтoбы дeржaть всe пoд кoнтрoлeм, нo нa этoт рaз был вынyждeн eхaть сaм, чтoбы рaзoбрaться в тoм, чтo тaм прoисхoдит. Любoй сбoй oтличнo oтлaжeннoгo мeхaнизмa мoг бытЬ чрeвaт нeпoпрaвимыми пoслeдствиями и пoслyжить крaхy вceмy, нa чтo пoтрaчeны дoлгoе гoды жизни. A этoгo Сibaгaт Ибpaгимoвич дoпyститЬ нe мoг...

Прoмaявшись в oдиoнoчeствe и в плeнy тягoстных рaздyмий дo пoлyдня, Хaлилoв рeшил схoдитЬ пoбeдaть в вaгoн-рeстoрaн.

В рeстoрaнe Сibaгaтa Ибpaгимoвичa yсaдили зa стoлик в сeрeдинe, спиной к пeрeгoрoдкe, рaздeляющeй вaгoн нa двe чaсти. Eмy и нa этoт рaз пoвeзлo. Зa стoликoм бoльшe никoгo нe былo, хoтя рeстoрaн был пoлoн пoсeтитeлeй. Изyчив мeнy, oн зaкaзaл сeбe скрoмный oбeд, и пoкa oфициaнт гoтoвил

на кухне его заказ, развернул лежавшую на столике газету.

Он не успел прочитать и строчки, как прозвучавший сзади, из-за перегородки, голос привлёк его внимание.

– Ну и... что полезного тебе дала поездка в этот городок? И стоило ехать за столько вёрст киселя хлебать?

– Плохой результат – тоже результат, – ответил голос, принадлежавший другому мужчине, и Сibaгат Ибрагимович замер, боясь пропустить хоть слово. Какая-то смутная догадка, мелькнувшая в голове, подсказала ему, что к разговору за перегородкой стоит прислушаться.

– А каков он, «плохой результат», если не секрет? – любопытствовал первый собеседник.

– Я понял схему, по которой работают разбойники, – ответил ему второй. – Мне ещё хотелось бы поработать в Верхнеудинске, но я сделал неверный шаг и засветился. Теперь вся надежда на тебя, господин ротмистр! Теперь уже ясно, что...

Официант принёс обед и на мгновение отвлёк внимание Халилова в самый интересный момент. Досадуя, что часть разговора осталась неслышанной, он снова превратился в слух.

– А для чего ты продал управляющему в кабаке самородок? – поинтересовался первый собеседник.

Второй что-то ему ответил, но так тихо, что Сibaгат Ибрагимович не расслышал его слов. Едва не сломав от досады вилку, он тут же взял себя в руки и замер в ожидании.

– Хитрый ход, – одобрил первый. – А он увенчался успехом, как считаешь?

– Во всяком случае, я на это надеюсь, – усмехнулся второй. – Если всё получится, то этот самородок будет убийственной уликой во время следствия и суда.

– Послушай, а как вы на них вышли? – поинтересовался первый. – Если верить твоим словам, то шайка очень сплоченная, хорошо законспирированная и действует не один год.

– В этом ты прав, – согласился второй. – Её главарь – очень хитрый, изворотливый, умный и чрезвычайно опасный человек. С большим трудом, но мы его вычислили...

– И кто он?

– Так, местный наш, уфимский... С виду очень почтенный человек!

– А чем он занимается?

– Торговлей. Имеет несколько лавок, лабазов и магазинов.

– А к Верхнеудинску он каким боком примазан?

– Верхнеудинск – перевалочная база купцов, торгующих с Монголией и Китаем. Здесь окопался человек из шайки, наводчик. Он вычисляет тех, чьи обозы побогаче, и сообщает в Уфу, а там уже готовятся к их перехвату и грабежу.

– Это касается только тех купцов, кто ещё по старинке, рискуя всем, перевозит товары через тайгу на подводах?

– Да, про них самых... Пока они тащатся через тайгу, наводчик отправляет гонца в Уфу поездом и несчастные стра-

дальцы обречены на ограбление.

– Вы уже вычислили, кто наводчик?

– Если бы... Но подозреваем сына главаря разбойничьей шайки. Талантливый молодой человек выучился на врача, но почему-то не стал заниматься врачебной практикой. Наплевав на возможную блестящую карьеру, он уехал из Уфы в далёкий Верхнеудинск и поступил на службу в судебную канцелярию. Это всё показалось нам очень подозрительным и навело на определённые мысли.

– Ладно, пройдем в купе. Там за бокалами с вином поговорим обо всём более подробно.

Собеседники подозвали официанта, расплатились и ушли в головную часть поезда. А Сибагат Ибрагимович сидел ни живой ни мёртвый, обливаясь холодным потом. Теперь ему стало ясно многое, а особенно то, что...

– Официант, счёт, – подозвал он молодого человека, принимавшего заказ у столика напротив.

– Но-о-о... вы даже не притронулись к пище? – удивился тот, глядя на бледное лицо Халилова.

– Я что-то передумал обедать, – сказал Сибагат Ибрагимович, подавая деньги. – Сейчас меня укачало. Приду вечером и хорошо отужинаю...

Поспешный отъезд дяди вовсе не огорчил Мадину. Проснувшись, как обычно, ближе к полудню, она прочитала оставленную им записку и вернулась на кровать. Мадина лежала неподвижно и долго, прислушиваясь к шуму ветра за окном и к биению собственного сердца. Она впервые осталась одна, без дядиной опеки, и не знала, чем заняться в его отсутствие.

«А если мне сходить прогуляться по городу?» – спрашивала себя девушка и мысленно торопливо и сбивчиво ответила себе, что на такую прогулку она, конечно же, не отважится.

«А что, если Кузьму позвать? – думала она. – Сегодня суббота, и у него должен быть выходной. А как бы хотелось провести весь день с ним вместе!»

В присутствии дяди она не посмела бы и мечтать об этом. Страшно подумать: мусульманку только за разговор с юношей с глазу на глаз могли клеймить позором. Ей могли вымазать сажей лицо и водить по улице, подвергая унижениям и издевательствам. Женщина от рождения считается «низшим существом». Её могли выдать замуж за кого угодно, даже не спрашивая согласия.

Мадина содрогнулась, боясь даже представить такую жизнь. Какое счастье, что она живёт в Верхнеудинске, а не в

Уфе или Казани, где подавляющее число населения мусульмане. Дядя, хоть и верующий человек, но не загоняет её в жёсткие рамки, как этого требует обычай...

В дверь постучали, и девушка отвлеклась от своих мыслей, вскочила с кровати и набросила на плечи халат.

– Там большой господин пришёл, – сказала молодая служанка. – Он хочет вас видеть, госпожа...

«Кузьма!» – мелькнула радостная мысль в голове Мадины, и краска смущения и счастья залила её лицо.

– Хорошо, пусть войдёт и ожидает меня в кабинете Сибгата Ибрагимовича, – сказала она, строго посмотрев на девушку. – Потом возвращайся, поможешь мне одеться и привести себя в порядок.

Мадина вышла к гостю в красивом платье гранатового цвета, плотно облегавшем её великолепную фигурку. Она смотрела на Кузьму и улыбалась, говоря своим видом: «Посмотри, какая я красивая. Это я для тебя принарядилась так, восхищайся!»

В душе Кузьмы всё ликовало от счастья, но он нарочно обыденным голосом сказал:

– Вот и хорошо, что ты одета, любимая. У меня сегодня выходной, и я пришёл, чтобы пригласить тебя на прогулку.

– Погулять? По городу? – девушка засветилось от счастья. – Но...

– Никаких «но»! – пожирая её жадным взглядом, сказал Кузьма. – Пока твой дядя в отъезде, я беру заботу о тебе на

себя!

– Но, – Мадина смутилась и покраснела, – но когда он вернётся, слуги тут же донесут ему об этом!

– Ну и что? – усмехнулся Кузьма. – Если ты не позабыла, раньше Сибатат Ибрагимович частенько отпускал тебя со мною на прогулку.

– Тогда я отпрашивалась у него, и он отпускал, – вздохнула нерешительно девушка. – А сейчас его нет и...

– На нет и суда нет, – рассмеялся Кузьма. – Пусть даже ему и донесут слуги «о самоуправстве» своей хозяйки, дядя только пожурит тебя и тут же простит. Он же у тебя «добрый»?

Мадина сомневалась недолго.

– Ну что же, – вздохнула она с улыбкой. – Чему быть, того не миновать. Ну и пусть дядя поругает меня, а я поплачу, и он смягчится.

Счастливое чувство, завладевшее девушкой, не покидало её и на улице. Горожане оборачивались, провожая красивую пару долгим взглядом.

– Ты вся светишься, как солнышко ясное, – вдруг сказал Кузьма, с довольным видом покосившись на шествующую с ним рядом любимую.

– А что, разве это неприлично? – насторожилась Мадина.

– Ещё чего... – хмыкнул Кузьма. – Я тоже счастлив от того, что счастлива ты, разве ты этого не замечаешь?

Девушка рассмеялась. И смех у неё был весёлый и задор-

ный. Раньше она стеснялась выразить свою радость на улице, но сегодня...

– Сегодня я просто умираю от счастья! – воскликнула Мадина радостно. – Так хорошо, как сегодня, мне давно уже не было!

– Ты так радуешься отъезду дяди и временной свободе от его опеки? – поинтересовался Кузьма.

– Сама не знаю, – улыбнулась ему девушка. – Наверное, я рада, что сегодня прекрасный день и... и ты со мною рядом, любимый мой Кузьма!

Душа Малова наполнилась ликованием, и он едва не задохнулся от нахлынувшего чувства. Не спеша, наслаждаясь прогулкой, они прошли по улицам Большой и Троицкой, любясь расположенными на них красивыми двухэтажными домами. Прошли мимо базара в центре, не тратя времени на посещение магазинов и лавок. Прогулялись по улицам Почтамтской и Мостовой. Возле собора они остановились и несколько минут любовались его величественной красотой.

– Ты не устала, Мадина? – спросил Кузьма, покосившись на любимую. – Мы уже исходили весь центр города. Только в Нижнюю и Верхнюю Берёзовку не заходили... (Нижняя и Верхняя Берёзовка – окраинные посёлки в черте города Верхнеудинска.)

– Ещё в Заудинскую казачью слободу не заглядывали! – дополнила, смеясь, Мадина и повернулась к своему спутнику. – Ну-ка посмотри мне в глаза, Кузьма, разве я похожа

на выбившуюся из сил старую клячу? Скажи, мой ненаглядный!

– А может быть, ты проголодалась? – поинтересовался он заботливо. – Здесь, на базаре, кабачок неплохой. Можем и в ресторан сходить!

– Нет, ни в кабак, ни в ресторан мы не пойдём, хотя я маковой росинки с утра во рту не держала, – воспротивилась вдруг Мадина. – Этот кабачок принадлежит моему дяде, а в нём управляющий... Бр-р-р... – она брезгливо передёрнула плечами. – Он такой противный и мерзкий... Бр-р-р... Он похож на жирного таракана!

Они посмеялись и продолжили прогулку. Не спеша влюбленные снова прошли мимо городской Управы, здания Общественного собрания, в котором Кузьма принимал присягу, и остановились у небольшого скверика.

– Кузьма! – вдруг обратилась к нему Мадина. – Ты ещё не отказался от мысли сватать меня?

– От этой мысли я не откажусь никогда, – ответил он ей, меняясь в лице и делаясь серьёзным. – Форму мне уже пошили, и... сам не знаю, почему, но именно в ней я собираюсь идти к Сибагату Ибрагимовичу просить твоей руки.

– А я убеждена, что тебе не стоит так поступать, – сделала над собой усилие, сказала девушка. – Ничего хорошего из этого не выйдет. Дядя больше не выпустит меня из дома или быстренько выдаст за кого-нибудь замуж.

– За единоверца? – усмехнулся Кузьма, настроение кото-

рого стало портиться.

– Мне сон плохой приснился недавно, – призналась Мадина, горько вздыхая. – О нём я не рассказывала никому, и он тяжёлым камнем лежит на сердце.

– И что это за сон? – спросил Кузьма в надежде, что девушка не станет пересказывать увиденное. Но он ошибся.

– Я видела себя в парандже, с заклеенным ртом и одетой, как нищенка, – продолжила Мадина. – Меня сватал беззубый уродливый старик, а дядя, о ужас! Он дал своё согласие! Он взял меня за руку и сказал: «Теперь ты замужняя женщина, племянница... За тебя дали много денег. И запомни ещё: воля мужа – воля Аллаха! Чти его и подчиняйся ему!» Я чуть с ума не сошла от страха, видя этот кошмар. Такие сны долго не забываются...

Девушка замолчала, а на её прекрасных глазках блеснули бриллиантами две крохотные слезинки. Она больше ничего не говорила, а вот Кузьма... Его словно прорвало, как вешние воды прорывают плотину. Он говорил и говорил без умолку всё, что знал о сновидениях, и высказывал в отношении них свои убеждения. Он не верил, что сны бывают вещими, и, как мог, успокаивал отчаявшуюся Мадину.

– Я ещё тебе не сказала, что скоро, наверное, я умру, – всхлипнув, сказала девушка. – Я это тоже в том же сне видела. Я не хочу оставлять тебя несчастным после своего ухода, даже если свершится чудо и дядя согласится выдать меня за тебя замуж.

– Что я слышу, любимая?! – воскликнул возмущённо Кузьма. Он приостановился, коротко взглянул на Мадину и с внезапной смелостью поцеловал её в губы. – В твои-то годы ты о смерти думаешь? Да я жить не могу без тебя, а ты... – Тяжело переводя дыхание, глядя на испуганное лицо девушки, он добавил: – Прости, не удержался. Ты так прекрасна сегодня, что...

Он опустил голову, словно ожидая от неё «заслуженной» пощёчины.

Всё ещё глядя на него испуганно и не обращая внимания на остановившихся прохожих, Мадина коснулась пальчиками его лица.

– Я тоже хочу поцеловать тебя, Кузьма... Но только не здесь. Что о нас подумают люди?

– Тогда идём подальше отсюда, – заволновался ещё больше от её прикосновения Кузьма. – Сходим в парк или на реку?

Будучи не в силах сопротивляться охватившему его порыву, он схватил руку девушки и жарко поцеловал её. Удивительно, но стеснительная Мадина, выросшая под строгим контролем дяди, не отняла руки. Напротив, глаза её светились счастьем, и она стояла перед Кузьмой, не шелохнувшись. В порыве страсти она обняла Кузьму и поцеловала его в губы долгим поцелуем.

– Ещё хочу, – прошептал он, ошалев от счастья, когда их губы разъединились.

– Только не сейчас, – прошептала в ответ Мадина. – Проводи меня, пожалуйста, домой, Кузьма. Что-то сердце моё затревожилось и заколотилось.

Когда они подошли к дому Халилова, уже наступил вечер. Находясь под воздействием любовных чувств, они даже не заметили, как пролетела вторая половина дня, и солнце уже пряталось за верхушками деревьев леса.

– Ну что, на ночное свидание сегодня приходиться? – спросил Кузьма, держа девушку за руку и с надеждой заглядывая в её грустные глаза.

– Нет, устала я, – ответила она, хотя ей хотелось встретиться с ним под старой яблоней в саду.

– Тогда до завтра, – сказал, прощаясь с ней, Кузьма. – Завтра воскресенье, и мы... Мы снова погуляем по городу вместе?

– Скажи, а как ты узнал, что дядя в отъезде? – вдруг вспомнила Мадина про мучавший её вопрос и тут же задала его Малову. – Он только-только за порог, а ты уже тут как тут?

– Да сослуживец мой мать на вокзале провожал и видел, как Сибгагат Ибрагимович в вагон садится, – ответил Кузьма. – Кстати, а куда он так неожиданно уехал?

Девушка пожала плечами.

– В записке написал, что к родственникам в Елабугу, – сказала она. – А так... Он поставил меня в известность о своём отъезде и этого достаточно, чтобы не задавать лишних

вопросов.

– И-и-и... как надолго он уехал?

– Об этом он не написал... Только дорога до Елабуги и обратно займёт две недели.

– Вот и хорошо, – потирая руки, улыбнулся счастливо Кузьма. – Целых две недели мы будем вместе, любимая! О Господи, огромное тебе спасибо за подаренное счастье!

– Всё, мне пора, – услышав голоса за воротами, заторопилась Магина. – Боюсь, слуги моё долгое отсутствие заметили, как бы искать меня не начали...

После спешного прощания девушка поспешила к калитке и забежала во двор. Проводив её печальным взглядом, Кузьма тоже собрался идти домой, как вдруг... Со двора на улицу выбежали несколько мужиков с дубинами в руках и прямо от калитки двинулись на него.

– Эй, постойте! – опешил Кузьма, попятившись. – Вы что, с ума посходили, на людей с дубьём набрасываясь?

– А-а-а, это вы, Кузьма Прохорович? – узнав его, остановился один из слуг, который шёл первым.

– Я, а кто же ещё! – ответил Малов. – Светло ещё, узнать нетрудно.

– Ты уж нас извини, попутались мы, – ухмыльнулся слуга, опуская дубину. – Сибагат Ибрагимович, когда уезжал, велел за молодой госпожой приглядывать... Ну вот мы и исполняем его волю.

– А что, ей кто-нибудь угрожает? – спросил Кузьма, по-

чувствовав тревогу.

– Да нет, – ответил слуга, делая знак остальным возвращаться обратно. – Хозяин, когда уезжал, велел строго-настрого за домом и госпожой приглядывать. Ему донесли, будто к его племяннице кто-то ночами в сад на свидание ходит. Оно что, дело молодое, нам понятно, а ему не нравится. Вот он и велел словить ухажёра молодой госпожи и намять ему бока. Вот мы и попутались, вас увидя...

– Раз хозяин велел, значит, бдительнее охраняйте госпожу свою, – сказал Кузьма, облегчённо вздохнув. – А когда она со мной, опасаться нечего... Я любого злоумышленника и без чьей-то помощи своими руками в бараний рог сверну.

– Это нам известно, – уважительно оглядев его с головы до ног, согласился слуга. – Ну я пошёл... Ежели что, не сердчайте на нас, Кузьма Прохорович...

«Ого-го, – думал Малов, возвращаясь домой. – Теперь надо быть поосторожней. Халилов как-то прознал про наши ночные встречи с Мадиной, а это... Надо сменить место для встреч или... Да что тут думать, пора идти и сватать девушку. Ну а в случае отказа я всё равно что-нибудь придумаю...»

...Войдя в дом, Мадина поужинала и ушла в свою комнату. Она долго сидела на кровати, вспоминая минувший день, принесший ей много радости и счастья. Сон сморил её неожиданно, подкравшись тихо и незаметно.

Беззаботно прогуливаясь по городу, Кузьма и Мадина не замечали никого вокруг. Большинство горожан, глядя на счастливую пару, приветливо улыбались. Но находились и такие, что наблюдали за ними с завистью и неприязнью. Но больше всех, наверное, разозлился Азат Мавлюдов, который, увидев Малова и девушку, остановился, открыв рот и не веря своим глазам. О его душевном состоянии в эти минуты можно было только догадываться. От увиденного он оглох и онемел.

– Вот, значит, как, – прошептал он. – Мадина потеряла стыд и совесть! И эту гулящую потаскуху я собираюсь взять себе в жёны?

Кузьма и девушка прошли мимо, даже не заметив Мавлюдова. А он, изнывая от злобы и бессилия, скрипя зубами, наблюдал за счастливыми влюблёнными. Когда они поцеловались у всех на виду, Азат пошатнулся и едва удержался на ногах. Он глубоко и жадно глотнул воздух, а лицо его сделалось белым, как мел.

– Эх, я бы вас... Я бы вас... – шептали его губы, а глаза так и буравили спину Мадины. – Да за такое поведение тебя, подлюгу, всю сажей вымазать надо!..

Проходя мимо базара, Азат остановился, поняв, что не может больше ходить по пятам за счастливой парочкой, из-

новая от злости и жажды мести. Чтобы заглушить бушующую внутри ярость, он решил зайти в кабаk, двери которого были гостеприимно открыты. Внутри было пусто и пахло чесноком и жареной рыбой. Протопав по грязному полу, он уселся за столик, и перед ним, неизвестно откуда, появился официант.

– Водку неси и закуску, – рыкнул обозлённо Азат и резко обернулся.

В дверях стоял Митрофан Бурматов и с интересом осматривал зал. Подойдя к столику Мавлюдова, он церемонно поклонился:

– Господи, кого я вижу?! Надеюсь, я застал вас в добром здравии, господин Азат?

– Не хвораю, не надейся, – угрюмо глянул на него Мавлюдов. – Денег взаймы не дам, а хочешь водки, так присаживайся, не люблю пить один.

– Что ж, и на том спасибо, – ухмыльнулся Бурматов, присаживаясь напротив Азата. – Только водку закусить надо будет чем-то, а я сегодня на мели.

– Ты давно уже на мели, и мне это известно, – хмыкнул Мавлюдов. – Промотал немалое состояние отца, доставшееся по наследству, так тебе и надо.

– Давай не будем сейчас говорить о грустном, – поморщился Бурматов. – Тебе, очевидно, никогда не приходилось проснуться однажды утром без гроша в кармане, хотя ещё вчера ты был богат, как царь Соломон!

– Не скули, мне не жалко тебя, – позлорадствовал Мавлюдов. – Мне жалко тех огромных денег, которые дуром свалились на твою башку, а ты промотал их.

– Да, именно так и поступил я с папашкиным наследством, – развёл, вздыхая, руками Бурматов. – Когда я лишился своего состояния, вот тогда и понял, чем богатые отличаются от бедных.

– И ещё ты научился присасываться пиявкой к людям, давить на жалость и брать у них в долг.

– Увы, так оно и есть, – признался Бурматов. – Но...

– Знаешь что... – перебил его Мавлюдов. – Ты обманщик, бродяга и бездельник. Ты паразитируешь на теле общества, и я презираю таких, как ты!

Он собрался было сказать ещё что-то унижительное для Митрофана, но в это время к столику подошёл официант с подносом в руках.

– Ого-го, пахнет вкусненько! – оживился Бурматов. – Я с удовольствием...

– Ну уж нет, – неожиданно заявил Азат, с ухмылкой глядя на него. – Я передумал угощать тебя. А теперь проваливай и не маячь у меня перед глазами. Я хочу побыть один и...

– Напиться в доску, – закончил за него Бурматов, вставая. – Извини, что помешал тебе заливать горе в одиночку.

– Вот как ты запел, проходимец! – округлил глаза Мавлюдов.

– Не сердись, господин Азат, я хорошо понимаю твоё со-

стояние, – усмехнулся Бурматов. – Совсем недавно я видел Кузьму Малова с Мудиной Исмагиловой. Прекрасная пара, они просто созданы друг для друга! А ты бегал за ними по пятам с вытянутым, как у лошади, лицом!

– Будь ты проклят, скот безрогий! – взревел Мавлюдов, вскакивая из-за стола. – Ну подожди... Развяжусь со срочными делами и тебя уничтожу!

– Хорошо, я буду осторожен, – улыбнулся на прощание Бурматов. – Кстати, а супротив Кузьмы ты выглядишь, как жалкий уродец. Может, у тебя семь пядей во лбу, господин Азат, но не вышел ты ни красотой, ни ростом!

– Проваливай вон, мерзавец! – истошно завопил окончательно выведенный из себя Мавлюдов. Он схватил со стола пустой стакан и запустил им в Митрофана.

– И тебе всего хорошего, господин Азат, – увернувшись от летящего «снаряда», ещё шире улыбнулся тот. – Если прогулка Кузьмы с Мудиной не огорчила тебя, то я, видимо, преуспел в этом. А теперь прощай, «господин хороший». Я «искренне рад», что огорчил тебя и тем самым дал отличный повод надраться горькой до чёртиков!

После подслушанного разговора в вагоне-ресторане Сибагат Ибрагимович вернулся в своё купе, схватил баул и, ничего не объясняя проводнику, сошёл на ближайшей станции.

...И вот он дома, снова наедине с собой, со своими безрадостными мыслями, раздумьями и страхом. Сибагат Ибрагимович склонялся к мысли, что беда не за горами и вот-вот навалится на него невыносимой тяжестью. С завидным упорством стремился он отыскать выход из создавшегося положения, но никак не мог найти его.

Сибагат Ибрагимович присел на кушетку и обхватил руками голову. Он словно надломился и иссяк. Сейчас ему как никогда требовалась поддержка, чьё-то участие.

В себя он пришёл лишь тогда, когда вошедшая в комнату Мадина легонько коснулась его плеча. Увидев племянницу, Сибагат Ибрагимович беспокойно дёрнулся, в его глазах мелькнули тревога и удивление.

– Вот я и вернулся, – глухо сказал он и замялся.

– Я уже вижу, – сказала Мадина, озабоченно хмурясь. – Дядя, с вами случилось какое-то несчастье? Вы очень плохо выглядите.

Халилов почмокал губами, снизу вверх посмотрел на племянницу и сказал:

– Нет, со мной всё в порядке, просто очень устал в доро-

ге...

– Вы что-то от меня скрываете? – тихо поинтересовалась девушка, подозрительно глядя на него. – Вы так неожиданно уехали, а вернулись и вовсе как снежный ком на голову в летний день.

– Слушай, девочка моя, давай поговорим об этом в другой раз, – поморщился Сibaгат Ибрагимович и подумал: «Шла бы ты с глаз моих долой, сейчас мне и без тебя тошно. Тут всё идёт прахом: жизнь, благополучие, земля горит под ногами, а она...»

За обедом на вопросы он племянницы отвечал сдержанно, неохотно и почти ничего не ел. Все подаваемые служанкой блюда он встречал равнодушно, с безразличием. Встревоженной Мадине показалось, что дядя целенаправленно изводит её своим равнодушием и холодностью. Выйдя из-за стола, они впервые не сказали друг другу доброго слова и молча разошлись по своим комнатам.

* * *

Прошло две недели. За это время Халилов наладил отношения с племянницей, и семейная идиллия, как и прежде, воцарилась в их доме.

Однажды утром Сibaгат Ибрагимович вышел на террасу. Ему нездоровилось. Кряхтя и что-то бормоча себе под нос, он уселся на стёганую подстилку и привалился спиной к по-

душке. Сибат Ибрагимович выглядел уставшим и разбитым, а его душа изнывала от тяжёлого предчувствия.

В калитку вошёл Азат Мавлюдов. Не обращая внимания на угрожающее рычание сидящего на цепи огромного пса, он быстро пересёк двор и взбежал по ступенькам на террасу.

– Здравствуйте, уважаемый Сибат Ибрагимович, – сказал он, приближаясь к дремлющему Халилову.

– А-а-а, это ты, лжец? – открывая глаза, ответил тот. – Ты явился сказать, что товар привезли в город или принёс вложенные мною в него деньги?

– На обоз напали грабители, – сказал Азат, краснея и отводя взгляд в сторону. – Они забрали весь товар и исчезли. Но их ищут!

– Ты провёл меня, мошенник, – горько усмехнулся Халилов. – Ты уверил меня, старого дурака, в баснословном барыше, и я купился на твои лживые посулы. Ты убедил меня поверить тебе на слово, не составлять письменного договора, и я, потеряв разум, купился и на это. Теперь я нищий, обременённый огромными долгами старик, которому не на что жить. И это ещё не всё: со дня на день я ожидаю прихода судебных приставов... Они опишут всё моё имущество и вышвырнут на улицу.

– Не гневите Аллаха, уважаемый Сибат Ибрагимович, – заговорил вдруг Мавлюдов с каменным лицом. – К вам деньги как пришли, так и ушли. И вы никогда не были им хозяином.

– Что ты хочешь этим сказать, мошенник? – насторожился Халилов.

– Я много чего знаю, – ухмыльнулся Мавлюдов, присаживаясь на скамейку. – А то, что собираюсь выложить сейчас, авансом, вам очень неприятно будет слушать.

– Что-то я не понимаю тебя, иуда, – нахмурил лоб Халилов. – Чем ты хочешь добить меня, паскудник?

– Всё вы понимаете, уважаемый Сибат Ибрагимович! – воскликнул Азат. – Нечего дурака валять. Наследница всего капитала после смерти вашей сестры и её мужа – ваша племянница Мадина. И в товар вы вложили не свои, а её деньги. Вы лишь её опекун, не так ли? Как только девушка выйдет замуж, вы сразу же лишитесь этой кормушки. А скоро ей восемнадцать лет, и она выйдет из-под вашей опеки!

– Ты хочешь сказать... – явно нервничая, Халилов вытер рукавом халата пот с лица и облизал языком пересохшие губы.

– Товара ты никогда не дождёшься, «уважаемый»! – не дав ему договорить, заявил с жаром Азат. – Никогда не получишь товара и денег не вернёшь!

– Почему ты так поступил со мной, Азат? – жалобно спросил Сибат Ибрагимович. – Я же верил тебе, как родному сыну.

– А дело в том, что мне нужна жена, – ухмыльнулся Мавлюдов, торжествуя. – И не просто жена нужна мне, а девушка с капиталом. Мадина – та самая девушка, которая мне под-

ходит.

– Так ты просто надул меня, подлец?! – возмутился Сибат Ибрагимович. – Ты всё это задумал заранее?

Мавлюдов брезгливо поморщился.

– Ты никогда бы не отдал за меня девушку, – сказал он. – Как ты ни старался это скрыть, я всё понял, «уважаемый» Сибат Ибрагимович. И тогда я решил подстраховаться. Только узнав о твоём опекунстве, которое так тщательно тобою скрывалось, я сразу же сделал определённые выводы. И не только за меня ты не отдал бы Мадину, прохиндей старый, но и ни за кого другого. Тогда ты лишился бы львиной доли капитала, а это для тебя смерти подобно.

– А ты молодой, да ранний, – усмехнулся Халилов. – Так меня облапошить не удавалось никому.

– То, что на тебя после смерти сестры и зятя свалилась манна небесная, ещё не говорит о том, что ты стал не только богатым, но и умным. Да, дела у тебя шли удачно, но всё это должно было когда-то закончиться. Ты удачлив, «уважаемый» Сибат Ибрагимович, но, увы, не так уж дальновиден. У тебя как было, так и осталось убогое мышление сапожника, а не стратега.

Лицо Халилова исказила злоба.

– А ты не боишься, что я обвиню тебя в мошенничестве, сосунок? – сказал он. – Тогда тебя не только со службы попрут, на которую я тебя устроил, но и на каторгу упекут?

– Хочешь со мною потягаться? – окончательно осмелев,

поинтересовался Мавлюдов с противной улыбкой на тонких губах. – Если хочешь, пожалуйста. Только не советую торопиться, «уважаемый». Вспомни, как умерли твоя сестра и её муж! Правильно, они сгорели в собственном доме. А почему он загорелся, ты случайно не знаешь?

Наступила тягостная пауза, во время которой Азат и Сибагат Ибрагимович «поедали» друг друга злобными взглядами. Первым нарушил молчание Мавлюдов.

– А ведь ты тогда ночевал в доме сестры и зятя, – едко сказал он. – Пожар случился по странным обстоятельствам. Дом взял и загорелся «сам по себе». Хозяева погибли, а ты вот спасся, да ещё вынес из огня племянницу свою! Как объяснить такое везение?

– Ты обвиняешь меня в поджоге? – спросил Халилов, облизав губы.

– Я никого не обвиняю, а делаю выводы и высказываю своё предположение, «уважаемый» Сибагат Ибрагимович, – сузив глаза, ответил Азат.

– Тогда для чего ты мне всё это говоришь?

– Чтобы ты знал, насколько я осведомлён обо всём.

– Ты собираешься меня прижать этой галиматьёй и шантажировать?

Мавлюдов изобразил изумление и пожал плечами.

– Шантажировать? – переспросил он. – Побойся Аллаха, «уважаемый» Сибагат Ибрагимович. Ты же ни в чём не виновен, так ведь?

Халилов помассировал виски кончиками пальцев и угрюмо ответил:

– Я спас из огня девочку и воспитал её как родную дочь. Вот доказательство моей непричастности к смерти её родителей, сосунок.

– Не забывай, что я служу в судебной канцелярии и имею возможность ознакомиться с делами, списанными в архив, – важно заявил Мавлюдов. – А в твоём деле много тёмных пятен и потрясающе много фактов, к которым следовало бы отнестись посерьёзнее.

– Я тебя не понимаю, – пожал плечами Халилов.

– Не-е-ет, ты всё понимаешь, «уважаемый» Сибгат Ибрагимович, – улыбнулся довольный собой Азат. – Комнаты сестры и её мужа были ближе к выходу, чем комната девочки. Почему ты пробежал мимо их дверей к спальне Мадины и даже не попытался спасти их или разбудить на худой конец?

– Они взрослые и могли сами позаботиться о себе, – угрюмо возразил Халилов. – Я решил в первую очередь спасти их дочь и спас её.

– Свежо предание, да вот только верится с трудом, – заметил с сарказмом Мавлюдов. – Родители девочки, наверное, были уже мертвы? Или ты подпёр их двери чем-то, когда поджигал дом?

Азат посмотрел на старика и ужаснулся. Его вид был страшен. Лицо побледнело, глаза светились огнём, а руки тря-

лись.

– Ты с ума сошёл, недоносок? – сказал Халилов угрожающе. – Как ты смеешь бросать мне в лицо такие страшные обвинения?

– А я вас не обвиняю, а лишь высказываю свои предположения, – струсив, прошептал Мавлюдов.

– Нет, я не такой дурак, чтобы не понять твоих гнусных намёков и замыслов! – воскликнул возмущённо Сибатат Ибрагимович.

– Ты спас девочку, но не предпринял ничего, чтобы спасти её родителей, – содрогнувшись, залепетал Азат. – Вот я и задался вопросом «почему». Выходит, что следствие не обратило на это внимания, а я обратил.

– И почему? – хрипло поинтересовался Халилов.

– Ты не мог завладеть состоянием умерших без помощи Мадины, – скрепя сердце ответил Мавлюдов. – Если бы сгорела и она, то наследством её родителей завладели бы родственники отца Мадины. А так... Ты додумался сам, или кто-то тебя надоумил, но поступил ты именно так, как надо было поступить. Спасение девочки открыло тебе двери к огромному состоянию её родителей. Став её опекуном, ты автоматически стал распорядителем её огромного капитала.

– Вон! Пошёл вон, подонок! – возмущённо закричал Сибатат Ибрагимович.

Мавлюдов даже бровью не повёл, пропустив его выкрики мимо ушей.

– А это ещё не всё, – сказал он, хмуря брови. – Вообще-то я пришёл просить руки твоей племянницы, а не выяснять отношения с тобой.

– Нет, ты никогда её не получишь, негодяй! – прохрипел, тяжело дыша, Халилов. – Даже без гроша в кармане я не отдам за тебя Мадину. Я лучше убью её собственноручно, так и знай, мерзавец!

– Это мы ещё посмотрим, «уважаемый» Сibaгат Ибрагимович, – сказал Азат, вставая. – Я ухажу и даю тебе время подумать. Отдашь за меня Мадину, верну половину вложенных тобою в мою аферу денег. Попробуешь водить меня за нос – подохнешь с голоду под забором. А на девушке я жёную и без твоего согласия, слышишь?

Халилов ничего не ответил, и Мавлюдов ушёл. Томимый тяжёлыми раздумьями, Сibaгат Ибрагимович ещё два часа провёл на террасе. А когда он собрался войти в дом, пришёл Малов.

– Чего тебе, Кузьма? – глянул на него с неприязнью Халилов.

– Да так, поговорить зашёл, – растерянно ответил Кузьма.

– Не до разговоров мне сегодня, хвораю я, – сказал Сibaгат Ибрагимович, давая понять гостю, что его приход сегодня неуместен.

– А Мадина? – спросил Кузьма. – Где ваша племянница, Сibaгат Ибрагимович? Раз вам не до меня, то разрешите с ней встретиться?

– Чего тебе от неё надо, недотёпа? – крепко выругавшись, поинтересовался Халилов. – Не пара она тебе, уясни это и уходи.

– Чего это сегодня на вас нашло? – опешил Кузьма. – Чего я сказал такого, что рассердило вас, Сибат Ибрагимович?

– Не морочь девке голову, вот что, – ответил Халилов, тяжело дыша от раздражающего внутренности гнева. – Вдолби лучше в свою бестолковку, которая головой называется, что она никогда не будет твоей женой. Я всё сказал, проваливай со двора по-доброму.

– Раз так, то никуда я не пойду, – сказал Кузьма решительно и присел на табурет. – Я как раз и собирался поговорить с вами по этому поводу.

– Ошибаешься, разговора у нас «по этому поводу» не получится, – усмехнулся Халилов, успокаиваясь. – Моя племянница выйдет только за того, кто исповедует ислам. Это моё решение, и я никогда не изменю его.

– Почему вы мне отказываете, Сибат Ибрагимович? – поинтересовался Кузьма.

– Зачем ты спрашиваешь о том, что уже знаешь? – ответил Халилов устало.

– Я хочу услышать более веские причины вашего отказа. Халилов развёл руками:

– Что ж, изволь. Ты не тот человек, который сможет обеспечить привыкшей к роскоши и богатству татарской девушке достойную жизнь.

– Ваше мнение обо мне неправильное, – нахмурился Кузьма. – Я теперь судебный пристав, принял присягу и...

– Не смейся меня, Кузьма! – разозлился Сibaгат Ибрагимович. – Ты всё ещё стоишь сейчас передо мной лишь потому, что я хорошо отношусь к твоим родителям. Пойми, твоего жалкого жалования едва будет хватать, чтобы содержать себя, но никак не жену с детишками.

– Жалование пристава невелико, согласен, – выдавил из себя Кузьма. – Но другие ведь живут и семьи содержат.

– Те, кто семьи содержат, взятки берут, – поддел его с усмешкой Халилов. – Или ты тоже так жить собираешься?

– Не знаю, о ком вы говорите, но я честный человек, а не мздоимец, – сказал раздражённо Кузьма, сжимая кулаки. – Для меня честь превыше всего! Я не какой-нибудь проходи-мец, а слуга закона, судебный пристав!

Выслушав его, Сibaгат Ибрагимович рассмеялся.

– Ну и уморил же ты меня, братец! Надо же, господин судебный пристав! Ты сейчас говорил о себе как о Боге! Все чиновники продажны, поверь мне. Сначала берут мало – сколько дают, а потом аппетиты растут – берут всё больше и больше. Чем дольше служит чиновник, тем больше он берёт. А потом в худшем случае – прямая дорога на каторгу, а в лучшем... В лучшем просто взащей выпрут со службы на улицу. И больше такого сукина сына никуда не возьмут. Такие «счастливики» или спиваются, или кончают жизнь самоубийством, или всеми презираемые доходят до последне-

го порога нищеты. До пенсии мало кто дорабатывает...

– Не пойму, почему вы мне всё это говорите, Сибат Ибрагимович? – растерялся сбитый с толку Кузьма.

– Потому, что у тебя нет будущего, – вздохнул Халилов. – Вот первая причина моего отказа. Вторая – это разные вероисповедания. Ты ведь не согласишься ради Мадины принять ислам?

– Нет, не соглашусь! – ответил Кузьма решительно.

– Вот видишь: нам уже больше не о чем разговаривать, по крайней мере, сегодня, – сказал, пожимая плечами, Сибат Ибрагимович. – Уходи, Кузьма, по-хорошему, и не суйся в мой дом с мыслями о женитьбе на моей племяннице. И ещё... Не морочь ей голову, не прогуливай её по городским улицам в моё отсутствие, иначе...

– Вы пообещали Мадину кому-то другому? – вскричал Малов возмущённо, вскакивая с табурета.

– Проваливай и не задавай больше глупых вопросов! – раздражённо отреагировал на его выпад Халилов. – Уясни, наконец, ишак безмозглый, что Мадина никогда не будет твоей, и смирись!

Крепко рассердившись на Халилова, Кузьма развернулся и ушёл, не прощаясь и не оглядываясь. Сибат Ибрагимович проводил его насмешливым взглядом и...

Из дома на террасу вышла Мадина. Увидев племянницу, Халилов тут же расплылся «радостной» улыбкой и поприветствовал девушку жизнерадостным возгласом. Но Мадина

не разделила его восторга и осторожно поинтересовалась:

– Кто у нас был только что?

Сибагат Ибрагимович тяжело поднялся со своего места, на котором провёл половину дня. Кряхтя и охая, подошёл к девушке, взял её за руку и пытливо всмотрелся в её лицо.

– А ты чего встала так рано, деточка? – спросил он ласково. – Ты же хворала с утра.

– Ещё с вечера меня мучила мигрень, дядя, а сейчас я чувствую себя уже лучше, – вздохнула Мадина.

– Вот и хорошо, вот и замечательно, – одобрил Сибагат Ибрагимович, расплываясь в улыбке. – А я хочу сюрприз тебе сделать, не возражаешь?

– Сюрприз? Какой ещё сюрприз, дядя? – красивые брови Мадины взметнулись вверх.

– Отправлю тебя погостить в Елабугу, – сказал Халилов вкрадчиво.

– В Елабугу? Но почему вы решили, что я хочу туда ехать? – удивилась девушка.

– Как почему? – недоумённо спросил Сибагат Ибрагимович. – Вспомни, ты часто просила отвезти тебя в Елабугу к дяде Исмаилу.

– Что-то случилось, дядя? – почувствовав какой-то подвох, встревожилась Мадина.

– Есть небольшие трудности, но они, к счастью, решаемы, – ответил Халилов уклончиво. – Пока ты погостишь, я здесь всё улажу.

– Смею предположить, что дела ваши очень плохи, раз вы меня в Елабугу отправить хотите? – поинтересовалась девушка дрогнувшим голосом.

– Оставшись здесь, ты мне ничем помочь не сможешь, – вздохнул Сibaгат Ибрагимович. – Так что лучше не пытайся со мной спорить. Ты хорошо знаешь, как я не люблю, когда мне перечат.

Опустив голову, Мадина покорно вернулась в дом. Как только за ней закрылась дверь, на террасе появился гость, которого с нетерпением поджидал Халилов.

– Ты точен, и это мне нравится, – сказал он, взглянув на часы и удовлетворённо кивая головой. – Так ты и есть Митрофан Бурматов?

– Не опаздывать и быть точным – это мои самые положительные качества, Сibaгат Ибрагимович, – ответил тот. – Мне сегодня в кабаке сказали, будто вы хотите предложить мне работу.

– Давай сначала поговорим о твоих достоинствах и недостатках, – натянуто улыбнулся Халилов.

– Да, есть во мне и плохое, и хорошее, – ответил с готовностью Бурматов. – Не скрою, я мот и кутила. Но если мне поручают какое-то дело, то я всегда довожу его до конца.

– Этого достаточно, – одобрительно кивнул Сibaгат Ибрагимович. – Другие твои достоинства меня не интересуют. Вот только голос... Где я мог его слышать?

– Господи, да где угодно, – округлил глаза гость. – Прав-

да, я в родном городе недавно... Уезжал, так сказать, на длительное время, но... Мы с вами уже встречались в городском Общественном собрании, на церемонии принятия присяги судебными приставами.

– Да, наверное, – кивнул задумчиво Халилов. – Я видел тебя в обществе негодяя Мавлюдова.

– Ваша оценка Азата меня порадовала, – усмехнулся Бурматов. – Так для чего вы пригласили меня, Сибагат Ибрагимович?

– Мне очень хочется узнать всё об одном мерзком человеке, – продолжил Сибагат Ибрагимович. – Ты готов взяться за это?

– Всенепременно, – с удовольствием согласился гость. – Говорите, кто он и сколько вы готовы заплатить за мою работу?

– Сработаеть на совесть, не обижу, – заверил Халилов, удовлетворённо хмыкнув.

– Тогда половину вперёд и назовите мне имя, – счастливо заулыбался Бурматов.

– Пять тысяч наличными тебя устроят? – предложил Сибагат Ибрагимович.

– Имя?

– Азат Мавлюдов.

– В какой срок я должен исполнить ваше деликатное поручение? – поинтересовался Бурматов.

– У тебя две недели, – ответил Халилов. – Днём позже

добытые тобой сведения уже не будут иметь ни ценности, ни смысла...

«А теперь всё будет хорошо, – подумал Халилов, глядя вслед уходящему Бурматову и довольно потирая руки. – Этот пройдоха добудет для меня именно те сведения, о значении которых и сам не подозревает. Ну а теперь пора почитать Коран. Поздравляю тебя с удачной сделкой, Сибегат Ибрагимович!»

Уже неделя миновала с тех пор, как Азат Мавлюдов наве­стил Халилова в его «гнёздышке» и поговорил с ним «начи­стоту». Целую неделю он ожидал реакцию, которая должна была последовать незамедлительно после его визита, но её не было. Сибат Ибрагимович не метался и не паниковал, как ожидал Азат. Халилов не прибежал к нему, не падал в ноги и не «молил о пощаде». Старый купец вёл себя, как всегда, и не подавал признаков беспокойства.

«Ну, ничего, ты у меня ещё запрыгаешь, старый скряга, – со злорадством думал Азат, выходя из зала судебных заседа­ний. – Дело твоё проиграно, иск купцов, одолживших тебе деньги, полностью удовлетворён, так что жди визита судеб­ных приставов, ничтожество... А я между тем подготовлю тебе ещё один сюрприз...»

Судья Богданов вышел из кабинета и остановился, увидев шествовавшего по коридору Азата Мавлюдова. Пётр Борисович поприветствовал его кивком головы. Ему нравился этот послушный и сообразительный молодой человек, чиновник судебной канцелярии.

– У тебя какое-то дело ко мне, Азат? – спросил Пётр Бори­сович.

Азат слегка покраснел и сказал:

– Я восхищён процессом и вашим решением, Пётр Бори-

сович! Я ведь считал Халилова очень богатым и влиятельным купцом, а на деле оказалось...

– А что? Сибат Ибрагимович и есть таков, как ты его только что охарактеризовал, – удивил Азата судья. – Он богат и влиятелен, но у него сейчас временные трудности. А с кем не бывает?

Мавлюдов стушевался и растерялся.

– Но ваша речь на процессе... Ваше решение...

– Я поступил так, как обязан был поступить любой судья на моём месте, – улыбнулся Богданов. – Я был беспристрастен и следовал букве закона. Я удовлетворил заявленные в исках купцов их требования, но установил Халилову максимальные сроки для погашения долгов. И я больше чем уверен, что Сибат Ибрагимович изыщет за это время необходимую сумму и рассчитается с кредиторами.

– Наверное, вы правы, – был вынужден согласиться Мавлюдов, уныло натягивая на лицо улыбку.

Пётр Борисович взглянул на него с нескрываемым удивлением:

– Что-то я не пойму: ты радуешься за своего будущего тестя или считаешь моё решение слишком мягким в отношении него?

Азат широко улыбнулся:

– А если Сибат Ибрагимович всё-таки не найдёт денег для расплаты с купцами?

– Тогда пусть выкручивается как сможет, – пожал плечами

судья. – Бог свидетель, я сделал для него всё, что было в моих силах.

– Я слишком беспокоюсь за него, – озабоченно вздохнул Азат. – Вы же знаете, что я собираюсь жениться на его племяннице?

– Не только я, но и весь город, наверное, уже знает об этом, – усмехнулся Пётр Борисович. – Но ничего, не волнуйся зря. Даже если Халилов вдруг обеднеет, его самое ценное сокровище – красавица Мадина – так и останется неприкосновенным.

– Нет, за девушку я как раз спокоен, – вымученно улыбаясь, заговорил Азат. – Вот только приход в дом судебных приставов убьёт старика.

– Что? – переспросил судья растерянно. – Но иначе быть не может, если он не расплатится с кредиторами и не погасит долги добровольно и своевременно.

– Это будет такой удар по престижу купца Халилова, что может свести его в могилу, – вздохнул Мавлюдов.

– Но что я могу поделать? – забеспокоился Пётр Борисович. – Арест и опись имущества должников судебными приставами – это обязательная процедура судопроизводства.

– Действительно, что же делать? – нахмурил «задумчиво» лоб Азат. – Пожалуй, есть один выход. Конечно, он заденет себялюбие Сибагата Ибрагимовича, но не убьёт его.

– И... что же это за выход? – заинтересовался судья.

– К Халилову на опись и арест его имущества, по мое-

му мнению, следует отправить Кузьму Малова, – предложил Мавлюдов, внутренне ликуя от своей сообразительности. – Сибагат Ибрагимович хорошо знает его и его родителей. Думаю, что визит Малова будет воспринят им не таким уж унижительным и оскорбительным.

– А что, мысль хорошая, – задумался Пётр Борисович. – А пристав Малов? Это тот огромный детина, который недавно принял присягу и поступил на службу?

– Да, именно его я и имел в виду, – поддакнул Азат.

– Так у него ещё испытательный срок не прошёл. Он даже не утверждён в должности.

– Ну и что с того? Он вправе исполнять обязанности пристава, вот и пускай «забавляет» старика Халилова своим присутствием.

– Хорошо, пришли его ко мне в кабинет, – скрепя сердце согласился судья. – Я уговорю председателя отправить к Сибагату Ибрагимовичу именно пристава Малова. В конце концов, ему надо когда-то начинать самостоятельно исполнять судебные решения, вот пусть и попробует свои силы и возможности.

– Я прослежу за ним, не беспокойтесь, – плотоядно улыбнулся Азат. – Малов допустит ошибку, я тут же её «исправлю»...

«Скорое» возвращение Халилова в город снова заставило Кузьму бегать на свидания к любимой в полночь. Разговор с Сибагатом Ибрагимовичем глубоко разочаровал его. «Что ж, этого и следовало ожидать, – думал он с горечью. – Мадина не раз предупреждала меня, что из моей затеи ничего хорошего не получится. А я почему-то верил в чудо...»

Всё произошло совершенно не так, как надеялся Кузьма, и теперь он пребывал в полной растерянности, не зная, что делать. А дни, длинные и печальные, всё тянулись и тянулись. Кузьма был занят работой, но всё у него валилось из рук. И он даже обрадовался, когда судья пригласил его к себе по какому-то срочному делу.

– Я вызвал тебя, чтобы вручить документ на исполнительные действия, – неторопливо начал Пётр Борисович. – Ты должен будешь...

– Я? – у Кузьмы вытянулось лицо. – Так ведь я только ещё «исполняющий должность», а не судебный пристав.

– Ты на «испытательном сроке», я знаю, – продолжил судья. – Но ты принял присягу и уже обладаешь всеми правами и обязанностями судебного пристава.

Кузьма потёр ладонями лицо и вздохнул:

– Хорошо, я пойду на исполнительные действия, – сказал он. – Только с кем и когда?

– Ответы на все твои вопросы ты найдёшь вот в этом документе, – сказал судья, протягивая ему лист. – А теперь распишись за его получение в журнале, господин судебный пристав...

Даже не ознакомившись с содержанием документа в своих руках, Кузьма поспешил поставить свою подпись в графе «получено» и...

– Всё, теперь свободен, – объявил судья, закрывая журнал. – Иди и готовься к исполнительным действиям, судебный пристав Малов. В документе указаны сроки, когда тебе предстоит приступить.

Расставив все точки над «и», судья сразу же потерял интерес к подчинённому и, пододвинув поближе стакан, склонился над стоявшим под столом всё ещё горячим чайником.

Кузьма вышел из кабинета и вернулся к себе. Расположившись за столом, он пробежал глазами текст документа и не поверил своим глазам. Его охватило смятение. Изо всех сил он старался выглядеть естественно перед сослуживцами, но... Его обдало жаром, и пот заструился по спине.

Кузьма оторвался от чтения документа и попытался осмыслить, что всё это может означать. Но не нашел ни одного подходящего объяснения и снова углубился в чтение.

Уже в третий раз дочитав документ до конца, Кузьма судорожно сглотнул слюну. Недоумение и негодование росли в нём. Он вскочил из-за стола и заходил по кабинету, после чего снова вернулся к столу, схватил документ и прочитал

одну лишь строку: «Подвергнуть описи и аресту имущество купца Сибегата Ибрагимовича Халилова».

Сердце Кузьмы готово было выскочить из груди. Он понял, что его отношения с Мадриной на этом закончены. Халилов теперь не подпустит его даже на пушечный выстрел к своей племяннице.

И тут что-то воспротивилось внутри у него. Кузьме показалось, что он сходит с ума. Что с ним происходит? Этот вопрос мучил его до вечера, а когда пробил час свидания, он с тяжёлым сердцем отправился на встречу с Мадриной...

* * *

Ночь выдалась тёплой и тихой. На небе ярко светила луна. Мадрина тихо выскользнула из дома, спустилась по ступенькам террасы и, осмотревшись, проскользнула через калитку в сад. Среди кустов вишни она остановилась и, замерев, прислушалась.

– Мадрина, любимая? – позвал её кто-то из темноты, и девушка встрепелась, без труда узнав голос Малова.

– Кузьма, любимый, это ты? – так, на всякий случай тихо поинтересовалась она.

– Это я, – ответил он, появляясь перед девушкой.

Они заключили друг друга в объятия, и их губы слились в страстном поцелуе.

– Почему ты сегодня вызвал меня на свидание? – с укором

поинтересовалась Мадина. – Мог бы и днём прийти, дядя был бы рад тебя видеть.

– Боюсь, что «хорошее отношение» твоего дяди ко мне испортилось, – прижимая девушку к груди, прошептал Кузьма. – Он больше не рад меня видеть в своём доме и тем более рядом с тобой.

– Почему ты так думаешь? – удивилась и насторожилась Мадина. – Он сам сказал тебе об этом?

– И не только сказал, – усмехнулся Кузьма. – Он просто выставил меня из дома.

– Ничего не понимаю, – после короткой паузы встревоженно прошептала девушка. – Что это на него нашло?

– Боюсь, что я тоже ничего не понимаю, – вздохнул Малов. – Может, кто видел нас гуляющими по городу в его отсутствие и нашептал ему?

– Может быть, и так, – пожала плечами Мадина. – Но дядя ни разу не сказал мне об этом.

– Берусь предположить, что причина в другом, – озабоченно сказал Кузьма. – Совсем недавно я приходил к нему, чтобы поговорить о сватовстве. К моему приходу он уже был взвинчен и встретил меня с неприязнью. Ну а когда я изложил ему цель своего прихода, он просто взбесился. Брызгая слюной, он велел мне убираться и больше никогда не переступать порог вашего дома.

– Я тоже обратила внимание, что в него словно шайтан время от времени вселяется, – посетовала девушка. – Не

спит, не ест и даже чай не пьёт, целыми днями сидит на террасе и о чём-то думает.

– Я знаю причину его отвратительного настроения, – вздохнул Кузьма. – Твоего дядю ожидают очень крупные неприятности, и он, наверное, ищет выход из этого крайне затруднительного положения.

– Да, он что-то говорил мне о трудностях, неожиданно свалившихся на его голову, – вдруг вспомнила Мадина. – Он даже настаивал, чтобы я уехала погостить к родственникам в Елабугу.

– Может быть, он и прав, – угрюмо «одобрил» Малов. – Отдать ему должное, дядя не хочет тебя впутывать в ту ужасную историю, в которой каким-то непостижимым образом оказался сам.

– Но что это за история? – заинтересовалась девушка. – Почему ты называешь её ужасной? Твои слова пугают меня.

Кузьма оказался в затруднительном положении. Он не знал, что ответить, и сконфуженно молчал.

– Говори, какая беда нас ожидает? – уже не на шутку встревожилась Мадина. – Ты что-то знаешь, Кузьма?

– Прости, любимая, но я не могу, – ответил он нехотя.

– Нет, скажи мне всю правду, – настаивала девушка. – Я должна быть готова ко всему, чем томиться в ожидании грома среди ясного неба.

– Боюсь, что твой дядя Сибагат больше не богатый человек, – был вынужден признаться Кузьма. – Он разорен и едва

ли сможет оправиться.

– Ты уверен в том, что говоришь? – обомлела девушка. – Ты в этом уверен, я тебя спрашиваю?

Малов пожал плечами.

– Несколько уважаемых городских купцов подали на него иски в суд на очень крупные суммы, – сказал он. – Судье они предъявили долговые закладные векселя, подписанные твоим дядей.

– И что? Что нас теперь ожидает? – забеспокоилась Мадина.

– Ничего хорошего, – ответил Кузьма, вздыхая. – Если Сибагат Ибрагимович не вернёт купцам долги в установленный судьёй срок, то на всё его имущество будет обращено взыскание и наложен арест.

– И когда же наступит срок? – ужаснулась девушка.

– Уже через два дня. Я очень сомневаюсь, что Сибагат Ибрагимович сможет осилить такое бремя.

Припав лицом к груди Малова, Мадина несколько минут плакала, а Кузьма гладил ее по голове. Но эта идиллия длилась недолго.

– Что ждёт дядю, когда наступит срок и он не расплатится с кредиторами? – спросила девушка, отстранившись от него и утирая носовым платочком слёзы.

– К вам придут судебные приставы и опишут всё имущество, – ответил Кузьма, превозмогая себя.

– О Аллах всемогущий, да это же позор! – позабыв об

осторожности, в ужасе вскричала Мадина.

– К сожалению, это не только позор, но и нечто худшее, – посочувствовал Кузьма. – Его могут посадить в долговую тюрьму, а арестованное имущество продать с молотка.

– Нет, этого не может быть, – заговорила девушка срывающимся голосом. – У меня есть капитал, доставшийся мне от родителей. Я разрешу дяде воспользоваться моими деньгами, и он погасит все долги.

– Я почти уверен, что у тебя уже нет твоего капитала, – с горечью высказался Малов. – Сibaгат Ибрагимович давно уже распорядился им по своему усмотрению, не ставя тебя в известность. Посуди сама: разве он стал бы занимать деньги у купцов, если бы располагал твоими?

– Пусть даже так! – гордо вскинула голову Мадина. – Но дядя – умный человек! Он обязательно что-нибудь придумает.

– Хотелось бы надеяться на это чудо, – не стал возражать Кузьма. – Жалко только, что чудеса случаются редко. А ты, моя любимая Мадина, на всякий случай готовься к худшему.

– Нет, не может быть, не верю я, что нет никакого выхода, – не согласилась с ним девушка, в отчаянии заламывая руки. – Кузьма, ты же судебный пристав, подскажи хоть что-нибудь! Всегда же можно найти какой-то выход, так ведь?

– Поверь, если бы существовала хоть какая-то не противоречащая закону лазейка, то я непременно подсказал бы вам, где её искать, – беспомощно развёл руки Малов. – Но... ни-

какого выхода для Сибата Ибрагимовича я не вижу.

– Но ты же теперь судебный пристав, Кузьма! – воскликнула с мольбой в голосе Мадина. – Неужели ничего не можешь сделать, чтобы отвести от нас беду?

– К сожалению, я только судебный пристав, но не Господь Бог, – ответил он с горькой усмешкой. – Я всего лишь слуга закона, исполняю его и всецело подчиняюсь ему.

– Кузьма, мне не нравится, как ты только что сказал, – насторожилась девушка. – Ты чего-то недоговариваешь?

Малов не находил, что ответить, и в нерешительности топтался на месте. Его поведение ещё больше насторожило Мадину.

– Ну? Чего ты молчишь? – спросила она возмущённо. – Ты пытаешься скрыть ещё чего-то очень страшное?

– Ты права, – был вынужден признаться Кузьма. – Действительно, то, что я сейчас собираюсь сообщить, настолько ужасное, что не поворачивается язык это произнести.

– Говори, – прошептала девушка, покачнувшись.

Поддержав её, Малов, собравшись духом, сказал:

– Судья уже вынес решение на опись и арест вашего имущества, а проводить исполнительные действия поручено мне.

Если бы не своевременная поддержка Кузьмы, Мадина непременно упала бы на землю. Она едва устояла на ногах и...

– Нет, ты не придёшь в наш дом с таким намерением! –

потребовала девушка, справившись с приступом слабости. – Ты просто не посмеешь так поступить!

– Увы, но у меня нет таких прав отказаться от исполнительских действий, – сказал Кузьма уныло. – Я обязан выполнить решение судьи, и я его выполню.

Отпрянув от него, Мадина презрительно бросила:

– Тогда всему конец. Ты это понимаешь?

– И всё же я выполню то, что обязан, а потом...

Не договорив, Малов опустил голову.

– А потом уже ничего не будет, Кузьма, – сказала с упрёком девушка. – Убирайся вон! Ты... ты... ты топчешь нашу любовь и наше будущее! Ты...

Со стороны дома послышался скрип двери, и Мадина резко замолчала. Сибегат Ибрагимович вышел на террасу и позвал слугу:

– Айрат, ко мне! Буди всех и спускайте собак, жи-и-во! Во двор проникли грабители, а вы дрыхнете, ишаки беззаботные!

Мадина, оставив Кузьму под яблоней, поспешила к калитке.

– Дядя, во дворе никого чужих нет, это я тут гуляю! – выкрикнула она, останавливаясь у террасы.

– Но почему ты не спишь, а гуляешь? – изумился Халилов. – Тебе что, дня мало?

– Да вот, про поездку в Елабугу думаю и заснуть не могу, – солгала девушка. – Тревога душу гложет.

– А с кем ты разговаривала в саду? – любопытствовал Сibaгат Ибрагимович. – Я даже в своей комнате услышал голоса и вышел.

– Да нет, вам показалось, одна я была, дядя... – неумело попыталась разубедить его Мадина. – И разговаривала я сама с собой.

– Не лги мне, женщина! – вдруг вспыхнул Халилов, без труда уловив фальшь в ответах племянницы. – Я явственно слышал мужской голос!

– Да что вы, дядя! – прошептала испуганно девушка. – Если бы был кто чужой, то собаки бы не молчали!

– И то верно, собаки бы лаяли и с цепей рвались, – уже мягче сказал Сibaгат Ибрагимович, усомнившись в своих подозрениях. – Ну ничего, пусть слуги сад обыщут, мало ли чего...

Между тем к террасе уже сбегались слуги. Они выстраивались в ряд перед своим хозяином и выжидательно смотрели на него.

– Ну? Чего телитесь, мухи сонные? – раздражённо закричал на них Халилов. – Обыщите сад и двор, олухи! Кого найдёте, сию минуту ко мне волоките!

Испугавшись гнева хозяина, слуги поспешили в сад. Проводив их тяжёлым взглядом, Сibaгат Ибрагимович снова посмотрел на притихшую племянницу.

– Спать ступай, Мадина, – сказал он строго. – О Елабуге завтра поговорим. И не смей больше гулять ночами по саду.

Если повторится такое, накажу.

Пока Халилов беседовал с племянницей и созывал слуг, Кузьма Малов осторожно, стараясь не шуметь, пробирался к забору. Неожиданно перед ним вырос силуэт мужчины, который намеренно преградил ему путь.

– Кто ты? – оторопел от неожиданности Кузьма.

– Твоя тень, – усмехнулся незнакомец.

– Мне знаком твой голос, – сказал Кузьма. – Ты Азат Мавлюдов, так ведь?

– Да, это я, – после короткой паузы ответил Азат.

– А чего ты делаешь в чужом саду в столь поздний час? – спросил Кузьма, делая шаг вперёд.

– Этот же вопрос я только что собирался задать тебе, но ты опередил меня, – отступая на шаг, ответил Мавлюдов.

– Что я здесь делаю, тебя не касается, – чуть повысил голос Кузьма. – Дай мне пройти, и забудем о том, что мы здесь «случайно» встретились.

– Такие встречи не забываются, господин пристав, – с едкой усмешкой отозвался Мавлюдов. – А здесь, в саду Халилова, в такое время я потому, что шёл за тобой. И я слышал, о чём ты разговаривал с Мадиной, Кузьма.

– Выходит, что ты следил за мной? – усмехнулся Кузьма. – Но почему ты это сделал?

– Хотел убедиться, верны ли мои подозрения на твой счёт, – смакуя каждое слово, ответил Мавлюдов.

– И что, убедился?

– К моему величайшему разочарованию, да. Ты встречался с Мадиной вопреки воли её дяди.

От террасы послышались громкие возгласы и лай собак. Малов решительно двинулся вперёд, оттолкнул Мавлюдова и поспешил к забору. Но Азат схватил его за руку и попытался удержать.

– Отпусти, не то зашибу, – рыкнул на него Кузьма.

– Попробуй, – огрызнулся Мавлюдов. – Я такой крик подниму, что чертям тошно станет.

Малов занервничал.

– Хорошо, говори, чего тебе от меня надо, и прощай, – сказал он, оборачиваясь. – Я не хочу, чтобы слуги Сибагата застали меня в его саду.

– Я слышал ваш разговор с Мадиной от начала до конца! – выкрикнул Азат.

– Тише, дурень, – рыкнул на него Кузьма. – Я уже понял это.

– Так вот, хочу тебя предупредить: оставь девушку в покое.

– А вот это тебя не касается. Мои отношения с Мадиной – это только наше с ней дело.

– Не может быть у тебя никаких отношений с татарской девушкой, скотина, понял? – злобно прошептал Мавлюдов. – Тебе что, русских баб не хватает, которых в городе пруд пруди?

– Что-то непонятна мне твоя настойчивость, Азат, – уже

не на шутку рассердился Кузьма. – Уж не замыслил ли ты сосватать Мадину и заполучить её себе в жёны?

– Я не только это замыслил, но и добьюсь своего! – со злобным торжеством заявил Мавлюдов.

– Не пытайся, надорвёшься, – усмехнулся мрачно Кузьма.

– А вот это мы посмотрим, – огрызнулся Азат злобно.

– Остынь, не пыжься, Мадина любит не тебя, а меня!

Мавлюдов тихо рассмеялся:

– Сейчас не любит, потом полюбит. Татарские девушки мужьям покорны в отличие от русских росомах. Свои чувства они с пелёнок приучены прятать очень глубоко и не пользуются ими до конца жизни.

– Ещё слово, и я придавлю тебя, как курёнка, – предупредил Азата Кузьма, гневаясь. – Отпусти руку, дай пройти!

Мавлюдов, услышав угрозу Малова, испугался, но руки его не выпустил.

– Если ты ударишь меня, закричу, – предупредил он, дрожа от страха. – Тогда тебе не избежать позора. Судебный пристав ночью, как вор, в чужом саду... Возможно ли такое? Да тебя прямо утром со службы вышвырнут!

– Своим криком ты привлечёшь внимание слуг Сибагата, которые уже рыщут по саду. Они прибегут сюда и...

– Они все будут моими свидетелями, – не дав договорить Малову, хихикнул Азат. – Когда я...

Он осёкся и замолчал, глядя в сторону дома.

– Ничего у тебя не получится, подонок, – прошептал Кузь-

ма. – Если ты замыслил донести на меня моему начальству, то как собираешься объяснить своё присутствие в чужом саду? Ты ведь здесь тоже вопреки воле Халилова.

– Я скажу, что шёл за тобою по пятам, – нервно хмыкнул Мавлюдов.

– А почему не поднял тревогу, когда увидел, как я перемахнул через забор?

– Хотел проследить за тобой и выяснить причины, приведшие тебя в сад поздней ночью. А ещё...

Он не договорил. Совсем рядом послышались шаги шедших по саду людей и их приглушённые голоса. Малов стряхнул руку Мавлюдова и заломил её ему за спину.

– Ты-ы-ы... Что ты делаешь? – перепугался тот, подумав, что Малов собирается ударить его.

– Я? Я жду слуг Сибатага Ибрагимовича, – ответил Кузьма спокойно. – Ты потерпи немного, они скоро уже подойдут.

– Ты-ы-ы... ты чего задумал? – ужаснулся Мавлюдов. – Ты-ы-ы...

– Я задумал передать тебя им с рук на руки, – усмехнулся Малов. – Вот я и скажу им то, что собирался сказать ты, а потом доказывай Халилову и своему начальству, что не верблюду. Тебе всё равно не поверят.

– Кузьма, всё, бежим, – заюлил Азат, отлично понимая, что будет, попади он сейчас в руки Халилова. – Уносим ноги, Кузьма, нам обоим несдобровать, если нас застанут здесь слуги.

– Вот так-то лучше, – отпустив его руку, сказал Малов. – Только запомни наперёд, слизняк: лучше не становись больше у меня на пути. Могу не заметить и раздавить подошвой!

– А ты всё равно останешься в проигрыше, Кузьма, – сказал Мавлюдов, хватаясь руками за забор. – Мадина никогда не будет твоей.

– Это мы ещё поглядим, – прошептал Малов, оглядываясь.

– Тебя Халилов прогнал с глаз долой, этого тебе мало? – позлорадствовал Азат, перекинув через забор ногу.

– Это он погорячился, – берясь за забор, сказал Кузьма. – Пройдёт немного времени, и старик остынет.

Он легко перемахнул через высокую преграду и посмотрел на Мавлюдова, который всё ещё сидел на заборе, не решаясь спрыгнуть.

– И не надейся... Старик выполнит то, что я ему скажу, понял? – говорил Азат, спрыгнув-таки вниз и поспешив за Маловым подальше от забора. – А ты... Как ты думаешь, Кузьма, приветливо ли будет относиться к тебе старик Сибат после того, как ты, именем закона, опишешь и подвергнешь аресту его имущество?

– Так это ты всё подстроил, подлец? – обернулся Малов. – Это с твоей подачи меня назначили идти в дом Халилова с арестом?

– Теперь ты мне совсем не страшен, Кузьма! – уже громко рассмеялся Мавлюдов, когда они отошли от забора на без-

опасное расстояние. – Хоть ты ростом и огромен, зато умом убогий. Мадина никогда не будет твоей, она возненавидит тебя, и конец вашей любви! Ха-ха-ха...

Потеряв над собой контроль, Малов в ярости бросился на мерзавца. Он схватил его за горло, а правую руку, сжав в кулак, занёс над его головой для удара. Перепуганный насмерть Мавлюдов весь сжался, издал какой-то писк и...

Кузьма брезгливо отшвырнул его в сторону и, борясь с бушующей внутри яростью, не оглядываясь, пошел в направлении своего дома.

Митрофан Бурматов сидел в вагоне, уныло глядя на проносящиеся мимо пейзажи. От долгого нахождения в пути сильно болела голова. По мере того как поезд приближался к конечному маршруту его поездки, усиливалось напряжение у него в груди.

Наконец, поезд прибыл на железнодорожную станцию города Уфы. Дотащив чемодан до вокзала, он вышел на привокзальную площадь и поймал извозчика. Головная боль усиливалась, вызывая приступы тошноты, и Митрофан едва сдерживался, чтобы не застонать.

Оставив вещи в гостиничном номере, Бурматов спустился по широкой лестнице в ресторан, занимающий чуть ли не весь первый этаж. Огромный зал был наполовину пуст. Зашторенные окна придавали помещению уютный полумрак. Приглядевшись, Митрофан заметил сидящего за уединённым столиком слева человека и, довольно улыбнувшись, направился к нему.

– Шампанского? – предложил мужчина, когда Бурматов уселся за столик напротив.

– Можно и шампанского по случаю встречи, – улыбнулся Митрофан. – Да и поесть чего-нибудь я бы не отказался. Я прямо с вокзала и сюда.

Сидевший напротив за столиком мужчина подозвал офи-

цианта и сделал заказ. Бурматов смотрел на него и, забыв о головной боли, страдал от нетерпения. В уверенном, спокойном взгляде мужчины было что-то ободряющее, и он почувствовал, что приехал в Уфу не зря.

– Наверное, вам есть что сказать мне, Матвей Захарович? – поинтересовался Митрофан, нетерпеливо ёрзая на стуле. – Если да, то не тяните время. За этой информацией я проделал немалый путь.

– Я тоже приезжал не так давно «в гости» в ваш город, – улыбнулся мужчина. – Только моя длительная поездка к вам «за тридевять земель» была менее удачна, чем ваша к нам.

Официант принёс шампанского, бутерброды с икрой и другие блюда, от вида которых у Бурматова засосало под ложечкой. Официант открыл шампанское, заполнил пенящимся вином два бокала и ушёл. После его ухода Матвей Захарович поднял бокал.

– Ну что, за ваш приезд, господин Бурматов?

– А я предлагаю за встречу, – предложил Митрофан. – Хочу пожелать, чтобы мой приезд не оказался пустой тратой времени.

– Ничего, вы не пожалеете, – усмехнулся Матвей Захарович загадочно. – Уверяю, что нам предстоит о многом поговорить!

Они опустошили свои бокалы и принялись за еду.

– Мы накрыли банду разбойников, действующую в течение нескольких лет, – сказал Матвей Захарович. – Взяли их

с поличным на очередном промысле.

– Я рад за вас, – улыбнулся Бурматов и потянулся к бутылке. – Давайте выпьем за эту значительную удачу.

– Да, удача действительно значительная, – согласился Матвей Захарович. – Но и это ещё не всё... – он откинулся на спинку стула и сделал глоток шампанского.

– Вы меня интригуете! – насторожился Митрофан. – Вы раскрыли всю преступную сеть и арестовали всех её участников?

Матвей Захарович промолчал и отпил немного из бокала. Затем он продолжил:

– Арестовали всех, кого смогли, взяли и главаря банды. Что самое удивительное, он сразу начал давать показания. Мы уже десять дней только тем и занимаемся, что выслушиваем и записываем его «откровения».

– Ого-го! – округлил глаза Бурматов. – Наверное, читать не перечитать?

– И слушать не переслушать, – дополнил с загадочной улыбкой собеседник. – Но что самое важное: мы оказались правы – все следы из Уфы ведут в Верхнеудинск! Именно в вашем городке обосновался тот, кто является организатором всего этого преступного промысла.

– Да вы что? И кто он? – поинтересовался Митрофан.

– А вот это вы узнаете сами, – улыбнулся Матвей Захарович. – Так сказать, из первоисточника. Я предоставлю вам возможность поговорить с арестованным, кого мы ошибоч-

но считали главарём шайки разбойников.

Это прозвучало заманчиво. Уступчивость собеседника не столько удивила, сколько обрадовала Бурматова. Он потёр губы пальцами, словно не желая сболтнуть лишнего, затем сказал:

– Позвольте мне сегодня выспаться с дороги, а завтра...

– В девять ноль-ноль я буду вас ждать у себя в кабинете, а теперь... Давайте поговорим о чём-нибудь другом. Я могу подсказать, куда можно заглянуть в нашем городе в свободное время, если... Если таковым вы будете располагать.

Они ещё долго пили вино и разговаривали о разном. И не протестовали, когда официант попросил рассчитаться за выпитое и съеденное и начал убирать со стола...

* * *

Минул ещё один день. И его, как и предыдущие, Сибатат Ибрагимович провёл в тягостном раздумье. Когда становилось совсем невмоготу, он брал Коран, усаживался на мягкий коврик у окна и, нацепив на нос очки в золотой оправе, бережно открывал священную книгу. В эти минуты он становился похожим на премудрого и строгого муллу, даже близко не похожего на хитрого и изворотливого купца Халилова.

– Что читаешь, дядя? – иногда интересовалась, заглядывая в его комнату, Мадина.

– Я читаю мудрость Всевышнего, – ничуть не смущаясь, важно и торжественно отвечал Сibaгат Ибрагимович.

– А мне почитать можно? – подсаживалась к нему девушка.

– Почитай, если хочешь... Только едва ли ты что поймёшь в своём возрасте. Святая книга не для девичьего понимания.

Когда Мадина уходила, Сibaгат Ибрагимович, снова оставшись один, тут же погружался в чтение и чувствовал, как счастье, умиротворение и мудрость Аллаха приходят к нему со страниц Священной книги. И он упивался чтением, забывая в такие минуты всё на свете.

Теперь девушка редко видела дядю. Он запирался в своей комнате и перечитывал суры Корана, пробегая глазами строчки и что-то нашёптывая себе под нос. Мадина заглядывала к нему, желала доброго утра или спокойной ночи, и на этом их общение заканчивалось. Иногда они встречались за столом, но чаще Сibaгат Ибрагимович продолжал читать Коран, пока она не покушает. Затем он приходил в столовую, ел в одиночестве и снова возвращался к своему занятию.

Умирая от скуки, Мадина лежала в постели, уставясь в потолок. Перед сном дядя взял теперь за правило заглядывать в её комнату, но девушка закрывала глаза и притворялась спящей, чтобы не пришлось с ним разговаривать.

Чаще всего дядя, убедившись, что она в своей постели, тихонько закрывал дверь и уходил. Именно так он поступил и сегодня.

Мадина думала о своём детстве и о Кузьме. Сама не зная почему, она всё время возвращалась к тому дню, когда случился страшный пожар в их доме. Она вспоминала, что в этот день был какой-то праздник, ей подарили много подарков и как она им радовалась. А потом все сидели за столом, заставленным сладостями. Много было гостей на празднике, а вот Кузьмы не было. Он появился только ночью, когда загорелся их дом...

Девушка всхлипнула. Тяжкие воспоминания снова разбредили душу. Особенно она корила себя за то, что при последней встрече обидела Кузьму. Она всхлипнула и залилась слезами, вспомнив, как все минувшие годы он по-своему опекал её, защищал и не давал никому в обиду. И разве Кузьма виноват, что его направляют в её дом описывать имущество? В этом виноват её дядя, который не желает в этом признаться даже самому себе. В этом виноват судья, назначив Кузьму проводить в их доме исполнительные действия, в этом виноват кто угодно, но только не её любимый. Так что же она сделала, так грубо обойдясь с ним?

В дверь кто-то громко постучал.

Размышления и воспоминания тут же исчезли из головы девушки. Она быстро вскочила с кровати, набросила на плечи халат и поспешила к двери.

Заложив руки за спину, Сибатат Ибрагимович ходил взад-вперёд по увешанной коврами комнате. Он был очень зол и что-то бормотал себе под нос. В это время открылась дверь, и в комнату вошёл незванный гость – Азат Мавлюдов.

– Та-а-ак ты снова осмелился явиться в мой дом, недоносок? – воскликнул возмущённо Халилов, останавливаясь. – Или ты полагаешь, что загнал меня в угол и теперь можешь делать со мной всё, что захочешь?

– Нет, я пришёл кое-что уточнить, «уважаемый» Сибатат Ибрагимович, – ответил Мавлюдов, топчась у порога. – Не беспокойтесь, мой визит не отнимет у вас много времени.

– Убирайся прочь, ублюдок, я не желаю тебя видеть! – закричал возмущённо Халилов, глядя на гостя исподлобья.

– Прошу прощения, уважаемый Сибатат Ибрагимович, но я останусь, – продолжая топтаться на месте, ответил Азат. – Нам надо кое-что обсудить до прихода в ваш дом судебного пристава.

– Я же сказал – убирайся, и чтоб духа твоего в моём доме не было! – закричал в сердцах Халилов. – Ничего с тобой обсуждать я не собираюсь. Не уйдёшь прямо сейчас по-доброму, прикажу слугам связать тебя по рукам и ногам, сорвать одежду и пороть кнутом, покуда кожа со спины не слезет!

– Мой уход лишит вас последней надежды, – предупре-

дил Мавлюдов, явно нервничая. – Вас некому будет спасти от полного разорения и позора.

– Ишь, «спаситель» выискался! – высказался Сibaгат Ибрагимович надменно. – Да я плевать на тебя хотел, ничтожество. Вот думаю-думаю и в толк не возьму, как ты осмелился пойти против меня?

– Если вы не боитесь разорения и позора, то хоть о племяннице подумайте, – с нотками страха в голосе продолжать гнуть свою линию Азат.

– Я подумал уже обо всём – и о Мадине подумал, и о тебе тоже, сукин ты сын, – выговорил с презрением Халилов.

– Вы мне угрожаете, Сibaгат Ибрагимович? – насторожился Мавлюдов. – Увы, но время ушло. Через пару часов в ваш дом явится судебный пристав для описи и ареста всего имущества.

– Вижу, ты всё просчитал, сопляк, и, как тебе кажется, до мелочей, – усмехнулся злобно Халилов. – Но в одном ты всё же крепко ошибся. Тебе не удастся увидеть меня униженным и опозоренным. Через три дня мне привезут деньги, и я рассчитаюсь со всеми кредиторами, а уж потом возьмусь за тебя, прохвост. Ты вернёшь сполна все мои деньги и распродаешь со всем, что имеешь сам!

В комнате зависла гнетущая пауза. У Мавлюдова тряслись руки, и он с трудом владел собой.

– Хорошо, допустим, вы погасите свои долги, – облизав губы, проямлил он. – Но до того момента целых три дня!

Вы избежите долговой тюрьмы, уважаемый Сибагат Ибрагимович, но публичной «порки» вам не избежать. Сегодня вышел назначенный судьёй срок, судебный пристав опишет ваше имущество, включая магазины, лавки и товар в них. И не мне вам говорить, что вашей репутации конец! Люди отвернутся от вас, компаньоны перестанут доверять купцу Халилову, а это хуже смерти!

– Таким вот грязным способом ты добиваешься руки моей племянницы, пёс шелудивый? – презрительно поморщился Халилов.

– Увы, но у меня не было другого выхода, – развёл руками Азат. – Отдайте прямо сейчас за меня девушку, и приставу будет нечего делать в вашем доме.

Халилов едва сдерживал в себе клопочущий, как лава в вулкане, приступ ярости, сжигающий его изнутри. Он был на грани бешенства и...

– И тут ты просчитался, жалкий пакостник, – вдруг рассмеялся он. – Ты слишком мелок и не способен для больших дел. Твой удел переключивать бумаги в канцелярии, а не охотиться на матёрых волков. Ты дичь, а не охотник, тупица безмозглая.

– Нет, это вы поспешили сравнить себя с матёрым волком, – с угрюмой ухмылкой пробубнил Азат. – Хорошо поразмыслив, я убил не двух, а трёх зайцев. Я опозорил вас и сделал нищим; я подстроил так, что пристава Малова направили описывать ваше чёртово имущество; я сделал всё, что-

бы растоптать вашу репутацию и вас вместе с ней. Однако я оставил вам шанс одуматься и спастись, Сибагат Ибрагимович.

– А если я не пожелаю им воспользоваться? – скривил презрительно губы Халилов.

– Тогда вам остаётся только пенять на себя, уважаемый Сибагат Ибрагимович, – неожиданно жёстко заявил Мавлюдов. – Вы останетесь не только без денег, но и без всего имущества, чем пока ещё владеете. Мадина возненавидит Кузьму за его в принципе законные действия. Всё закончится тем, что вы и ваша гордая племянница будете валяться у меня в ногах.

– Эка ты загнул, сосунок! – с едкой усмешкой заговорил Халилов. – Я буду валяться у тебя в ногах?! Да ты никогда этого не дождёшься! Долги я погашу, не сомневайся. А что касается ареста моего имущества, то и тут всё будет в порядке! Я дам Кузьме большую взятку, такую, перед которой он не сможет устоять! И эти три дня я проживу спокойно!

– Как знать, как знать... – многообещающе улыбнулся Азат. – Не знаю, как вы, Сибагат Ибрагимович, но я уверен, что Малов взятки не возьмёт. Он из породы тех толстокожих людей, которые никогда не пойдут на сделку с совестью!

– Вздор! – всплеснул руками Халилов. – Кузьма – чиновник без гроша за душой. А чиновники, как известно всему свету, не делают различий между службой, жалованьем и взяткой. На том стоит мир! Кузьме, как нищему чиновнику,

ничего не стоит найти причину и отложить на законных основаниях исполнительские действия на короткий срок!

– Но у вас нет денег?! – сказал Мавлюдов озадаченно. – Что же вы собираетесь предложить Кузьме в качестве взятки?

– Я предложу ему такую взятку, от которой он не откажется никогда, даже если является единственным честным чиновником на всей земле-матушке! – самоуверенно заявил Халилов.

– И какую? – округлил глаза Азат.

– Таковую, от которой он отказаться просто не сможет...

* * *

Когда обескураженный разговором и обозлённый неуступчивостью купца Халилова Мавлюдов ушёл, Сибат Ибрагимович в приподнятом настроении вышел из комнаты и увидел Мадину. Она стояла за дверью, прислонившись к стене спиной. Глаза её были прищурены, а губы плотно сжаты.

– Почему вы так говорили о Кузьме, дядя? – вскричала девушка. – И что, наши дела действительно так плохи, что такой ничтожный человечиска, как Азат Мавлюдов, может давить на вас, требуя отдать меня за него замуж?

Халилов схватил племянницу за руку, рывком развернул к себе и, заглядывая ей в глаза, зашептал зловеще и угрожа-

юще:

– От рук отбиться возжелала, дитя неразумное? И это ты, девушка-мусульманка? Кузьму своего наслушалась, потеряв стыд, бегая к нему ночами на свидание?

– С чего вы взяли? – испугалась Мадина, чувствуя себя воровкой, застигнутой на месте преступления.

– С чего я взял? – злобно ухмыльнулся Сibaгат Ибрагимович. – Да, я всё знаю про тебя и твои шашни! А с Маловым ты встречаешься зря. Я... – он вдруг замолчал и о чём-то задумался.

Воспользовавшись паузой, девушка попятилась, тревожно глядя на дядю, который вдруг стал неузнаваемым.

– Душу побереги, племянница, – уже мягче, но так же серьёзно заговорил вдруг Халилов. – Мусульманские девушки – не христианки-развратницы. Не уподобляйся им, Мадина, и живи не так, как самой заблагорассудится, а как велит правоверным Всевышний.

– А я чем Всевышнего прогневила? – ужаснулась девушка.

– Об этом говорить не буду, должна сама осмыслить и понять, – ответил Сibaгат Ибрагимович и добавил: – Христиане давно уже позабыли заветы Иисуса Христа, и мы, правоверные, не должны следовать их пагубному примеру.

Эта неожиданная проповедь в конце разговора отвлекла Мадину от тягостных мыслей, и... в следующую минуту она уже с большим вниманием слушала дядю и начинала думать, что сам шайтан путает, соблазняет её, внушает ей пагубные

и непотребные мысли и призывает к греху...

После последнего свидания с Мадиной жизнь казалась Кузьме пустой. Он ни в чём не обвинял любимую, обидевшую его своими высказываниями, но... Что можно было ожидать ещё от молоденькой девушки, не искушённой в «делах житейских», к тому же воспитанной в строгости и души не чаявшей в своём дяде?

Кузьма каждый день ходил на службу, где хоть немного отвлекался от гнетущих тягостных мыслей. Его угнетала и «поедом ела» сама мысль о приближающемся дне, когда он будет вынужден идти в дом купца Халилова.

После ссоры с Мадиной для Кузьмы Малова многое незаметно изменилось. Изменился и ритм его жизни. Кузьму стали мучить тяжёлые предчувствия. Он никак не мог понять, что внушало опасения его душе. Казалось, никаких особых причин для страха и переживаний не было. Немного повздорили, с кем не бывает. Они не сделали ничего такого, что могло бы нести угрозу их любви. Но Кузьма чувствовал, что неумолимо надвигается что-то большее. Быть может, его тревожил служебный визит в дом Халилова и непредсказуемые последствия? Как бы то ни было, он пытался прогнать опасения прочь.

По мере того как приближался срок, нервозность Кузьмы усилилась. И это его угнетённое состояние начинало пресле-

довать его даже во сне. Снов он не помнил, просто просыпался ночами весь взвинченный и в холодном поту. Из этого следовало, что он видел кошмар и, как ни силился, никак не мог вспомнить его содержания. А утром накатывало беспокойство, и он весь день испытывал дискомфорт.

Когда наступил роковой день, Кузьма в новенькой форме явился в здание суда.

– Кузьма, что с тобой случилось? – интересовались сослуживцы, увидев бледность на его лице.

– Волнуюсь, – отвечал он. – Сегодня первый раз самостоятельно иду на исполнительские действия и боюсь допустить какую-нибудь оплошность.

– Ничего, привыкнешь, – подбадривали его «бывалые» сослуживцы. – Ты сразу настройся и вскоре поймёшь, что ничего в этом страшного нет.

– В полдень наступает срок для купца Халилова, – напоминали другие. – У тебя много времени, чтобы настроиться и побороть в себе волнение...

Кто-то накапал в стакан валериановых капель и дал Кузьме выпить. К назначенному часу он был готов идти хоть к чёрту в ад, но идти пришлось в дом купца Халилова, чтобы именем закона приступить к самостоятельным исполнительным действиям.

Утром Митрофан Бурматов прямо с вокзала явился в дом Халилова и был немало удивлён, увидев там Азата Мавлюдова. Сделав вид, что не замечает его, он встал перед купцом.

– Прошу прощения за задержку, – сказал Митрофан, внимательно разглядывая лицо Халилова. – Задержали дела, понимаете ли, и я не смог поспеть к назначенному времени.

– Нет, ты пришёл в самый раз, – улыбнулся Сибегат Ибрагимович облегчённо. – Только вот жаль, что не слышал слов господина судебного чиновника, который явился ко мне с раннего утра и...

– Вы имеете в виду эту жалкую личность? – Бурматов с неприязнью взглянул на притихшего у окна Мавлюдова.

– Да, он успел сказать много такого, что мне даже стыдно повторить, – нахмурился Халилов.

– Ничего повторять не надо, уважаемый Сибегат Ибрагимович, я успел многое услышать, задержавшись у порога.

Ничего не понимая, Мавлюдов с искаженным лицом смотрел то на Бурматова, то на злорадно улыбающегося хозяина дома.

– Ты чего не вякаешь, проходимец? – поинтересовался Митрофан, глядя на него. – Или не рад меня увидеть?

– Я никогда не испытывал радости, видя тебя, – отозвался Азат хриплым от волнения голосом.

– Взаимно, – брезгливо поморщился Бурматов. – После встречи с тобой, даже мимолётной, я зачастую страдаю от несварения желудка.

– Этот обокравший меня лжец и проходимец осмеливается меня шантажировать, – «пожаловался» Сибагат Ибрагимович, расправляя плечи. – Выдвигаемые им обвинения настолько нелепы, что у меня возникли сомнения относительно здоровья его рассудка.

– Это всего лишь жалкая попытка запугать вас, – понимающе улыбнулся Митрофан. – Известный способ мошенничества, совершаемый лицом, далёким от понятий о чести и совести.

– Эй, господа почтенные, что за комедию вы сейчас передо мной ломаете? – возмутился Мавлюдов, усилием воли стряхивая с себя оцепенение.

– Точнее будет назвать наши действия не комедией, а трагедией, – ответил Бурматов, театрально вздыхая. – Сейчас сам убедишься, сукин ты сын, что в ней мало весёлого и смешного.

– Тот сговор, который, как я вижу, вы устроили, выйдет для вас самих же боком, – предупредил Азат, нагляя.

– А никакого сговора нет, – «заверил» его Бурматов. – Я просто собираюсь выставить напоказ твою гнилую натуру.

Мавлюдов покраснел и «воинственно» подбоченился:

– Если вы имеете в виду меня, то...

На террасе послышались тяжёлые шаги. Порог комнаты

переступил Кузьма Малов и обвёл присутствующих суровым взглядом. В полукафтани чёрного с зелёным отливом сукна, застёгнутом на девять золотых пуговиц с изображением «столпа закона» (сенатского чекана) он выглядел потрясающе. На голове – чёрная двупольная шляпа с кокардой, под которой на околыше был изображен золочёный знак городского судебного ведомства.

– Господа, я пришёл в этот дом с целью описи и ареста имущества купца Сибагата Халилова по решению суда, – прогремел его голос в тишине комнаты. – Убедительно прошу каждого из вас не препятствовать исполнительным действиям судебного пристава, иначе арест будет произведён с применением силового воздействия.

Как только он замолчал, Халилов и Бурматов переглянулись. На лице Азата Мавлюдова засияла улыбка торжества. Он посмотрел на Сибагата Ибрагимовича, на Митрофана и удовлетворённо потёр ладони.

– Послушайте, господин судебный пристав, уверяю вас, что необходимость ареста имущества купца Халилова по ряду причин должна быть отложена, – приходя в себя, заговорил Бурматов. – И ещё я хочу заявить...

– Я пришёл в этот дом исполнять решение суда, и я его исполню, – отрезал Кузьма. – Любые заявления и просьбы во внимание приниматься не будут.

– Прошу вас, выслушайте меня, господин судебный пристав, и сами убедитесь... – начавший было говорить Бурма-

тов вдруг замолчал, встретившись с холодным беспристрастным взглядом величественного слуги закона.

– Предъявите погашенные векселя или расписки от взыскателей, из которых можно сделать вывод, что долги ваши погашены в полном объёме, – с каменным лицом сказал Кузьма, обращаясь к Халилову.

– Но у меня нет таких, – развёл руками Сibaгат Ибрагимович.

– Следует понимать, что долги не погашены? – нахмурил лоб Малов.

– Увы, нет, – растерянно моргая, ответил Халилов.

– Тогда предлагаю добровольно выдать всю документацию на ваши магазины, ларьки и находящиеся в них товары, а также указать на имущество в доме и на подворье, которое будет подвергнуто описи и аресту, называя стоимость каждого предмета, – потребовал Кузьма, краснея и чувствуя, как заструился пот по спине.

– Составляйте опись сами, господин судебный пристав, – недовольно поморщился Сibaгат Ибрагимович. – Если я не ошибаюсь, это ваша обязанность.

– Я готов предложить вам свои услуги, господин судебный пристав, – выступил вперёд, сияя от счастья, Мавлюдов. – Вы составляйте опись, а я буду называть предметы, находящиеся в доме и во дворе, которые следует в неё внести.

– Обойдусь и без вас, не мешайте мне, – решительно отверг его помощь Кузьма дрогнувшим голосом.

– Как вам будет угодно, – отступил на шаг назад Азат, обиженно поджимая губы.

– Сынок, Кузьма, не позорь меня и мою седую головушку, – неожиданно взмолился Халилов. – Отложи арест моего имущества всего на три дня! Мне привезут деньги, и я рассчитаюсь с кредиторами.

– У вас было достаточно времени для расчётов, но вы его не использовали, – ответил Кузьма хмуро, внутренне страдая от жалости к несчастному старику. – Теперь я обязан арестовать ваше имущество и установить новый срок для расчётов по долгам. Если вы и за это время не погасите их, то арестованное имущество будет изъято и продано, а вырученные деньги пойдут на погашение ваших долгов.

– Кузьма, ты сердисься на меня за то, что я тебя недавно выставил из дома? – угодливо заулыбался старик. – Так приношу за это извинения. Ты можешь по-прежнему бывать в моём доме тогда, когда захочешь.

– Премного благодарен за приглашение, господин Халилов, но обсудим его в другое время, – сказал Малов, чувствуя, как сочувствие к старику сменяется раздражением. – Я сейчас...

– Я понимаю, сейчас вы при исполнении служебных обязанностей, господин судебный пристав, – залебезил хитрый купец, – но я считаю уместным сделать вам маленький сюрприз!

В комнате стало тихо, а у присутствующих вытянулись ли-

ца.

– Мадина, девочка, а ну-ка выйди к нам! – поворачиваясь лицом к двери, позвал Сibaгат Ибрагимович.

Бурматов и Мавлюдов в недоумении переглянулись, а на лице Малова не дрогнул ни один мускул.

– Кузьма, сынок, всего лишь три дня! – снова обратился к нему Халилов. – Я знаю, что сейчас ты только опишешь и арестуешь, но не будешь вывозить моё имущество, установив для оплаты долгов последний срок. Но... арест, конечно, формальность, но он уничтожит моё доброе имя. Завтра городская газета на первой полосе раструбит о моём бесчестии, и всё, купцу Халилову больше никто не будет доверять. В мои магазины не будут заходить солидные покупатели и... хорошую репутацию заработать сложно, а вот её потерять... Кузьма, прошу тебя, сынок, всего лишь три дня!

Слушая его, Малов изнывал от жалости к Сibaгату Ибрагимовичу и глубоко сочувствовал ему, но поступить иначе не мог. Он не имел права пойти против совести и нарушить данную государству присягу, не исполнив решение судьи, идя на ничем не обоснованные уступки.

– Я не могу ничем вам помочь, господин Халилов, – сказал он, напрягаясь. – Мой долг описать ваше имущество и наложить арест на него именно сейчас, и я его исполню.

– Те долгие годы, когда моя семья дружила с твоею, тоже в расчёт не берутся? – тяжело дыша от душившей его злобы, прошипел Сibaгат Ибрагимович.

– Извините, но я пришёл в ваш дом не обсуждать, что было, – ответил Кузьма, скрипя от досады зубами. – Я пришёл исполнять свой долг, и прошу не мешать мне делать государственное дело.

– Господин судебный пристав, Аллах свидетель, я не чиню вам никаких препятствий, – продолжал натиск Халилов. – Исполняйте свой долг, раз пришли, вот только...

В комнату тихо вошла служанка и отвлекла на себя внимание всех присутствующих.

– Где Мадина? – сурово зыркнув на неё, спросил раздражённо Сibaгат Ибрагимович.

– А нет её, – попятившись к двери, сказала она испуганно. – Госпожа уехала давеча куда-то и не вернулась ещё.

– Разыщите её немедленно, – потребовал Халилов, испепеляя девушку взглядом.

– А для чего здесь присутствие Мадины? – спросил Бурматов. – Мы много говорим такого, что не должно касаться ушей порядочной девушки.

– Странно, но лично мне есть что сказать купцу Халилову в присутствии его племянницы, – оживился Мавлюдов. – А вот с тобой, господин Бурматов, мне не о чем разговаривать!

– Не хочешь говорить, можешь молчать, господин Мавлюдов, – пожал плечами Митрофан. – А я, пока господин судебный пристав осматривает в доме имущество, хочу рассказать Сibaгату Ибрагимовичу кое-что интересное о твоей гнусной личности.

– И что же ты можешь рассказать обо мне такое, чего он не знает? – отозвался Азат иронично.

– Действительно, а чего он не знает про тебя? – ухмыльнулся Бурматов. – То, что твой отец богатый человек и живёт в Уфе, Сibaгат Ибрагимович, конечно же, знает отлично. По его просьбе он устроил тебя чиновником в канцелярию суда Верхнеудинска. Мало того, Сibaгат Ибрагимович был знаком с твоим отцом ещё тогда, когда тот работал у родителей Мадины подёнщиком. Он амбар ремонтировал, если быть точнее.

– Да? А я и не знал ничего об этом, – изумился Мавлюдов. Бурматов снисходительно улыбнулся.

– Конечно, тебе не рассказывали такие подробности, – сказал он. – А зачем? Времени прошло достаточно много, и всё большем поросло. Когда твой отец ограбил дом родителей Мадины, убил их и поджёг дом, ты был ещё маленьким добрым мальчиком с ангельским личиком. А разве будет нормальный папаша, пусть даже разбойник, негодяй и убийца, рассказывать отпрыску о кровавых деяниях своих?

– Ты что, охренел?! – закричал разгневанно Мавлюдов. – Ты чего тут лепишь, ненормальный? Чего тебе сделал мой отец, что ты его так мерзко оговариваешь? Дело о трагической смерти родителей Мадины давным-давно благополучно закрыто. А ты-то с чего взял, что их убил мой отец? Это Сibaгат Ибрагимович ночевал в доме сестры в ту роковую ночь и вынес из огня Мадину. А имя моего отца во время

расследования даже не упоминалось никогда!

– Не упоминалось потому, что не было для этого достаточных оснований, – уточнил Бурматов.

– А сейчас, выходит, они появились? – ухмыльнулся недоверчиво Азат.

– Да, мне удалось их раздобыть.

– И где?

– В Уфе-городе, если тебе очень хочется знать, – удовлетворил его любопытство Бурматов. – Сейчас твой отец арестован, содержится в кутузке и даёт на допросах очень правдивые показания.

– Постой, как это арестован? – воскликнул потрясённый Азат. – Ты лжёшь, чтобы разозлить меня? Вы собираетесь загнать меня в какую-то ловушку, господа заговорщики?

– Твоего отца и не спрашивали об убийстве родителей Мадины, – улыбнулся Бурматов, с удовольствием глядя на искажённое злобой и страхом лицо Мавлюдова. – Он сам всё рассказал с перепугу.

– И что же он рассказал? – вскинул брови Азат.

– То, что проник в дом своих работодателей глубокой ночью, – охотно ответил Митрофан. – Цель была одна – ограбить богатых владельцев. А когда был застигнут хозяевами в момент кражи, зверски убил их. Дом он поджёг, чтобы замести следы.

– Стоп, вот я и поймал тебя на лжи, сыскарь доморощенный! – Мавлюдов вымученно улыбнулся. – Ты только что об-

молвился, что у моего отца не спрашивали об убийстве родителей Мадины, тогда за что его арестовали?

– Его арестовали за другие кровавые преступления, каких он совершил за свою жизнь предостаточно, – невозмутимо ответил Бурматов.

– И снова ложь! – воскликнул Азат торжествующе. – Мой отец – уважаемый человек в Уфе! У него много магазинов, которые приносят ему солидный доход!

– Денег никогда много не бывает, – пожимая плечами, продолжил Митрофан. – И, что самое интересное, чем их больше, тем больше их не хватает. А твой любезный батюшка всегда жил двойной жизнью. Первая – для всех, напоказ. Для горожан он порядочный человек и благочестивый мусульманин. А вот вторая его жизнь просто ужасна. Он главарь жестокой шайки разбойников и убийц. На протяжении многих лет они совершали страшные преступления, оставаясь безнаказанными и неуловимыми.

– Нет, не верю! – истерично выкрикнул Мавлюдов. – Если отец и сделал какие-то признания, то только под давлением полицейских ищек! Его заставили оговорить себя с применением силы!

– Как известно, в тихом омуте больше всего чертей и водится, – не споря с ним, продолжил Бурматов. – Твой отец работал у родителей Мадины нищим подёнщиком. После пожара он исчез, объявился в Уфе и превратился в богатого преуспевающего господина! Это не наталкивает тебя на ка-

кие-то мысли, господин судебный чиновник?

– Нет, всё равно я тебе не верю, хоть тресни! – упирался настырно Азат. – Вообще ты кто такой, чтобы сыскари уфимские так подробно рассказали тебе о расследовании хоть какого-то, даже самого захудалого дела?

– Полицейские тоже люди, как и все мы, – ответил уклончиво Митрофан. – Важно только найти к ним подход. Будем считать, что я нашёл его.

– И что ты собираешься предпринять, обладая такими «сногшибательными» сведениями о моём отце? – поинтересовался Мавлюдов, теряя спесь. – Рассказать об этом моему начальству и злорадствовать в ожидании, когда меня уволят? Или, быть может, намереваешься вымогать у меня деньги за своё молчание?

– Нет, я поступлю другим образом, – вздохнул Бурматов. – Как именно, расскажу чуть позже, если позволите.

– Надеюсь, это не шутка, господин Бурматов? – тяжело поднимаясь со стула, напомнил о своём присутствии Халилов. – Или я схожу с ума, слыша то, что больше никто не слышит?

– Как же никто, а я? – горько усмехнулся Азат. – Это я, наверное, схожу с ума, слушая весь этот бред сивой кобылы.

– Что-то здесь не так, – словно не слыша его, продолжил Халилов. – Я поручил вам, господин Бурматов, собрать сведения об Азате Мавлюдове, а не об его отце.

– Так уж получилось, Сибагат Ибрагимович, – пожал пле-

чами Бурматов, – не взыщите. Я сам не ожидал, что столько дерьма накопаю, и вот результат. Отец Азата всю свою преступную жизнь изложил подробно и собственноручно на бумаге. Кстати, в своих «раскаяниях» он упомянул и тот факт, что научил сына, как лучше облапошить вас и вытянуть деньги. Азату понадобилась огромная сумма, которую он проиграл в карты, и он приехал за ней к отцу. Старый скряга денег не дал, зато подсказал отличный совет! Он предложил своему отродью испробовать свои способности на вас!

– Да, он ограбил меня до нитки, – кивнул на Мавлюдова Сибатат Ибрагимович. – Только вот не пойму, для чего он это сделал.

– А давайте спросим у него самого! – посмотрел лукаво на Мавлюдова Бурматов. – Ну что, Азат, может быть, ты объяснишь причины, побудившие тебя совершить то, что совершил?

– Я не желаю вступать с вами в дискуссии, – хмуро отозвался тот. – Я...

В комнату вдруг вошла Мадина, и присутствующие разом замолчали, глядя на неё.

После разговора с дядей Мадина вернулась в свою комнату и в изнеможении прилегла на кровать. Ночь она провела в слезах, ворочаясь с боку на бок. Когда девушка вышла утром на террасу пить чай, выглядела она как обычно – от вечерних переживаний не осталось и следа.

– Прости меня, дядя, вчера я была не права, – робко сказала она. – Я чуть с ума не сошла от страха. Вы же на меня не сердитесь, дядя?

– Ничего, я прощаю тебя, – улыбнулся он. – Ты умная девушка и настоящая мусульманка, а это главное в твоей жизни...

Утром Мадина проснулась необычно рано. Её что-то волновало, и она бросала по сторонам тревожные взгляды.

Выходя из комнаты, она увидела Азата Мавлюдова, стоявшего перед дверью дядиной комнаты. Молодой человек неуклюже топтался на месте, словно опасаясь войти. Когда Мавлюдов, видимо, набравшись решимости, постучал в дверь, Мадина так побледнела, что, казалось, готова была упасть в обморок.

Испытывая сильнейшую душевную тревогу, девушка выскользнула из дома. Чтобы спрятаться подальше от людских глаз, она вошла в сад и только здесь вздохнула облегчённо.

По знакомой тропинке она прошла мимо кустов вишни и

остановилась у яблони. Глядя на неё, Мадина вспомнила о размолвке с Кузьмой. После этого в их отношениях наметилась небольшая напряжённость, и она всё это время жила с чувством вины за свои высказанные в горячке слова, обидевшие любимого. Но сейчас она была погружена в свои мысли. Она уже не думала о размолвке с Кузьмой, который всё равно поймёт и простит её. А вот визит Азата Мавлюдова взволновал её настолько, что Мадина попыталась выяснить причины охватившей её тревоги.

Красивое лицо девушки поморщилось, когда она вспомнила о своём разочаровании и раздражении после разговора с дядей. И все её сомнения по поводу того, следует ли сердиться на него, окончательно рассеялись. Она снова подумала о визите Азата Мавлюдова. Чего ему снова понадобилось от дяди в такую рань?

Как только Мавлюдов стал частенько появляться в их доме, дядя сделался злым и раздражительным. Что их связывало, Мадину не интересовало, но сейчас...

Девушка нахмурилась. Все эти мысли, теснившиеся в её голове, были не слишком веселыми и ещё больше портили и без того отвратительное настроение.

Мадина и сама не знала, сколько времени провела в саду, пытаясь разобраться в себе и своих мыслях. В себя она пришла лишь тогда, когда из-за кустов показалась перепуганная служанка. Девушка подбежала к ней и сказала, что дядя сердится и срочно хочет видеть её в своей комнате.

Увидев мужчин, девушка остановилась у порога, даже не переступив его. Она растерялась и не знала, как себя вести. Мадина никак не могла понять, что происходит в доме. Её блуждающий взгляд скользнул по присутствующим и остановился на Малове. Глаза девушки расширились, лицо побледнело, а рот приоткрылся в немом изумлении. Мадина не могла отвести полных восхищения глаз от судебного пристава.

– Вы меня звали, дядя? – пролепетала девушка, с трудом переведя взгляд с Кузьмы на Халилова.

– Звал, звал, девочка моя, – кивнул Сibaгат Ибрагимович.

– Что-то случилось? – спросила Мадина, нерешительно переступая порог.

– Пока ещё нет, но может случиться, – ответил Халилов. – Давай вместе попросим господина судебного пристава дать нам три дня отсрочки и не описывать наше с тобой имущество.

В комнате стало тихо, а лица присутствующих в очередной раз вытянулись в немом изумлении.

– Ты любишь мою племянницу, Кузьма? – нарушил первым молчание Халилов.

Кузьма занервничал, покраснел, но промолчал.

– Знаю, что любишь, – продолжил Сibaгат Ибрагимович

с едкой усмешкой. – Ты же сватать Мадину собирался или передумал уже?

– Собирался и собираюсь, но не сейчас, – ответил Малов угрюмо. – Сегодня я в вашем доме по служебной необходимости.

– А я вот по-другому думаю, Кузьма, – сузил глаза Халилов. – Могу сейчас согласиться на ваш брак, а могу и не согласиться никогда! Ложка хороша к обеду, правильно?

Малов снова промолчал. Он смотрел на Мадину и словно не слышал слов её дяди.

– Мы с тобой оба в тупике, Кузьма, и никто помочь нам не в силах, кроме нас самих, – продолжил вкрадчиво Сибат Ибрагимович, догадываясь, какая буря чувств бушует у Малова в груди. – Мне нужны три дня, а тебе нужна моя племянница. Так вот, моё условие таково: ты повременишь с арестом моего имущества, а я сейчас, при всех, отдаю Мадину тебе в жёны! Ну как, согласен, Кузьма?

– Не пойму, – встряхнул головой Малов. – Сибат Ибрагимович, вы что, издеваетесь надо мной?

– Вот вам и нате! – ударив себя по лбу ладонью, воскликнул вдруг Мавлюдов. – Так вот о какой взятке ты мне талдычил, старикан вонючий. Да-а-а, теперь я верю, что от такого не откажется даже господин судебный пристав Малов! Ты всё верно подрассчитал, хрен старый!

– Так что, Кузьма, по рукам? – даже не взглянув на Азата, процедил сквозь зубы Халилов. – Мне три дня, а тебе девка

в жёны?

Малов промолчал. Он едва сдерживал бушующую внутри ярость и желание немедленно наброситься на коварного старика. Мадина стояла рядом с дядей. Она была потрясена не меньше Кузьмы. Халилов в раздражении схватил племянницу за руку, причиняя ей боль, и закричал:

– На колени, женщина! На колени перед господином судебным приставом! Ты любишь его, я знаю, а он? Любит ли он тебя, Мадина? Я поверю в его любовь, если он даст мне отсрочку на три дня! Если он так поступит, клянусь Аллахом, я отдаю тебя ему в жёны!

Под нажимом дядиной руки девушка опустилась на колени. Она закрыла лицо и громко заплакала. Кузьма стоял перед ней как каменное изваяние. Он был потрясён, растерян и не знал, что делать.

– Так чего ты молчишь, господин судебный пристав? – закричал яростно Сибгат Ибрагимович. – Берёшь девку в жёны или...

– Кузьма, забирай её, – противно захихикал Мавлюдов. – Таковую «взятку» не взять невозможно, ха-ха-ха...

– Да что же это такое, господа? – возмутился, не выдержав, Бурматов. – У меня такое ощущение, будто все одновременно сошли с ума!

– Кузьма, я жду! – прохрипел зловеще Халилов. – Или три дня и она твоя, или я сейчас задушю её собственными руками!

Малов шагнул вперёд, присел и оттолкнул Халилова от девушки. Тот упал. Упала и Мадина у ног Кузьмы, потеряв сознание. Бурматов поспешил к Сибегату Ибрагимовичу, помог ему подняться и усадил на стул. Старик обхватил голову руками и застыл с мученическим выражением на лице.

– Ну что, тебя можно поздравить, господин судебный пристав? – с издёвкой выкрикнул Мавлюдов. – Ты нарушил присягу и уступил просьбе старого пройдохи?

Малов даже не посмотрел в его сторону. Подняв девушку с пола, он бережно уложил её на мягкие подушки диванчика.

– Господин судебный пристав, у вас ещё не пропало желание после всего случившегося заняться описью и арестом имущества купца Халилова? – обратился к Малову Бурматов. – То, чему я только что был свидетелем, признаюсь, просто ошеломило меня.

– Я заберу отсюда девушку, но... – Кузьма вышел в центр комнаты, остановился и громко, чтобы все слышали, объявил: – Сегодня я завершу то, для чего пришёл в этот дом. Сибегату Ибрагимовичу нужны для чего-то три дня, но... Я бы очень хотел пойти ему навстречу, но не могу так поступить!

– А для чего он просит эти три дня, ты знаешь? – любопытствовал Бурматов, с интересом глядя на него.

– Ты сам всё слышал, вот и спрашивай у себя, – покосившись на Халилова, огрызнулся Кузьма.

– Да, я слышал, и все мы слышали доводы Сibaгата Ибрагимовича, – ухмыльнулся Бурматов. – В изворотливости и сообразительности ему нет равных! Он говорил, что через три дня расплатится по долгам со своими кредиторами, только так ли это?

Все посмотрели на Халилова. А он всё сидел в той же позе у секретера. Он никак не отреагировал на слова Бурматова, будто не слышал их.

– А что, в его словах что-то не так? – нахмурился Малов.

– Да всё не так в словах Сibaгата Ибрагимовича, господа! – ошарашил его Бурматов. – Через три дня его племяннице Мадине исполнится восемнадцать лет, и он теряет над ней опеку!

– Вот это да! – присвистнул Мавлюдов. – А я как-то об этом и не подумал.

– Не только ты, но и никто об этом не подумал! – уточнил Бурматов насмешливо. – А собака именно в этом и зарыта.

– Как это? – поинтересовался, ничего не понимая, Малов.

– Да вот так, Кузьма, вот эдак! – развёл руками Бурматов. – Получи он от тебя отсрочку на три дня, и дело было бы, как говорится, в шляпе! Всё продумал Сibaгат Ибрагимович, да вот только рассчитать не смог, что ты придёшь с арестом именно сегодня. Через три дня – пожалуйста, но не сегодня!

– Не блуждай вокруг да около, выкладывай всё, как есть, прямо! – оживился Мавлюдов.

Бурматов посмотрел на неподвижно сидящего Халилова, и лучик торжества блеснул в его глазах.

– Через три дня Мадине исполнится восемнадцать лет, и опека Сибэгата Ибрагимовича над ней теряет силу, – сказал он. – Придёт пристав с арестом, а имущества у него никакого нет! Всё, что есть, принадлежит его племяннице!

– Но ведь есть решение суда? – округлил глаза Малов. – Есть кредиторы с векселями, подписанными Сибэгатом Ибрагимовичем?

– Всё это есть, а имущества нет! – покачал головой Бурматов. – Не его оно будет, а племянницы. А Мадина никаких векселей не подписывала!

– Но если нет имущества, то нечем гасить долги и его ждёт долговая тюрьма? – нахмурил озабоченно лоб Кузьма, всё ещё ничего не понимая.

– И эта напасть не будет угрожать Сибэгату Ибрагимовичу, – с улыбкой заверил его Бурматов. – У него денег куры не клюют, ясно тебе? У него их столько, что погасить долги – раз плюнуть!

– Тогда я ничего не понимаю, – пожал плечами окончательно сбитый с толку Кузьма.

– Признаюсь, я тоже долго разбирался в хитросплетениях купца Халилова, господа, – неожиданно заявил Бурматов. – Он гениальный преступник, господа, можете не сомневаться.

Взгляды Мавлюдова и Малова в очередной раз устремились на Сибэгата Ибрагимовича, который по-прежнему

неподвижно сидел у секретера.

– Пожалуй, начну с того, что Сibaгат Ибрагимович и его сестра Эльвира – выходцы из беднейшей семьи, – продолжил Бурматов. – Будущее им не сулило ничего, кроме тяжёлого труда и борьбы за выживание. Сibaгат занялся сапожным ремеслом, доставшимся ему от отца, а вот красавице сестре повезло неслыханно. В неё влюбился богатый вдовец из купеческого сословия и женился на ней. И тут Сibaгат заболел чёрной завистью. Сестра жила в богатстве и роскоши, а ему приходилось зарабатывать на хлеб тяжким трудом. Сibaгат не гнушался обращаться за помощью к сестре и зятю, и ему никогда не отказывали ни в чём, но... Зависть всё сильнее и сильнее поработала его душу. От природы смыслённый и сообразительный, он долго раздумывал над способами, как быстро и легко разбогатеть. В конце концов остановился на одном, самом, с его точки зрения разумеется, безопасном и надёжном. Сibaгат решил просто убить сестру и зятя и завладеть их огромным состоянием!

– Ага! Я так и знал, что это он убил родителей Мадины, а всё свалил на моего отца! – выкрикнул Мавлюдов. – Да у него на лбу написано, что он – вор и убийца!

– А вот тут ты не прав, Азат, – улыбнулся Бурматов. – Родителей Мадины убил как раз твой отец, и это он указал в своих «признательных мемуарах». Но он также указал, что пойти на убийство его подговорил именно Сibaгат Ибрагимович. Он смог убедить бедного подёнщика ограбить своих

родственников и убить их. Сибатат даже позволил ему забрать все деньги, которые найдёт в доме, а их там было немало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.